

ЗАГАДКА.

(Изъ народнѣй кáзки)

Иванъ Миколаѣвичъ Розумний, панъ.	{ слуги и потішники єго.	Маруся, дочка єго, а потімъ пані.
Хома		Олексій, прикащикъ
Ярема		Селяне.
Иванъ Поклоненко, селянинъ.		Панська двірня.

I.

У пана въ будінку.

ПАНЪ, ХОМА, ЯРЕМА.

Панъ. Отъ, друзяки, якъ я занудивсь, як-би ви знали! Кажіть-лишъ міні кáзку.

Ярема. Хóчете, я?

Хома. Ні, я.

Ярема. Геть! чогó ти в'язнешъ? Панъ твою казку такъ хоче слухать, якъ собака мову.

Хома, *штовхає Ярему*. Гвалть! Пане, чогó вінъ бьетця!

Ярема. Пане, хай вінъ иде відсіля! Ему въ хліві зъ свиня́ми бути, а не т́ута съ панáми.

Хома. Яремо, не лайся! а то такъ учешу́, що ажъ у вухахъ задзвиніть.

Ярема. Хóмо, розсва́шу тобі нісъ такъ, що й ба́тько не пізна́.

Панъ. Ну васъ! го́ді, Кажі, Хóмо, кáзку. А ти, Яре́мо, мовчи́, а то....

Хома. Добре, пане! Яку жъ вамъ казати? Стрівайте, оцієи ви ще не чули... слухайте. Бувъ собі царь, а въ царя трое синівъ: два розумнихъ, а третій дурний....

Панъ. Ан у тебе зъ такими казками! Се все на одну статъ: царь та три сини, третій дурень, а тамъ вийде що розумні зостанутця дома ханьки мняти, а дурень яку-небудь королівну собі запобіжить. — Кажи ти, Яремо, а ти, Хомо, нічичіркъ; а коли ти въ мене хочъ слово скажешъ, такъ я тебе тутъ такъ и вбью! Що се справді! За вашою лайкою ніколи казки не послухаешъ! Ярема стане казати — Хома перебиває; Хома почне — за Яремою не кінчить. Гляди, Хомо, не дай тобі Боже!.. — Ну, кажи, Яремо.

Ярема. Слухайте, пане. Бувъ собі старець, та такий старець убогий, що й сказати не можна. Отъ пішовъ вінъ добувати хавтурки. Увійшовъ увъ одне село, питаєтця на-нічъ—ніхто не пускає. Такъ усе село пройшовъ — нігдѣ ёго не приймають почувати,—а зіма була. Пройшовъ уже все село—тілки на ріжку остання хата стоїть. Дума старець: якъ уже тутъ не пустють, такъ тоді ляжу на дорозі та й замерзну. Отъ и ставъ стукати; а чоловікъ зъ хати и каже: пущу, та тілки щобъ ти трошки поспавъ, а опівночі уставъ та до самого світу казки казавъ. А старець каже: добре! казатиму. Чоловікъ и впустивъ ёго. Вінъ лігъ, трошки поспавъ, прокинувся та й дума: якъ же я буду казки казати, коли нідної не вмію? Та й давай навдиранці! Надійшовъ до порога, ажъ щось кричить: »стою! пробі рятуйте, стою!« Вінъ за порігъ, — кричить щось: »мóкну! пробі ратуйте, мóкну!« Вінъ не попавъ у двері, та у комóрю, — а тамъ дві свічки стоять и два голуби цілуютця. Вінъ відтіля та у другу комóрю,—ажъ и тамъ дві свічки горять и дві гадюки кусаютця. Вінъ відтіля та на двір та підъ повітку, — а тамъ щось кричить: »стримлю! пробі рятуйте, стримлю!« Вінъ на горóдъ, ажъ тамъ два стоги стоять — одінъ більший, другий менший, а зъ меншого у більший жито сиплетця. Вінъ зъ огорóду въ поле,—а тамъ щось кричить: »стирчу! пробі рятуйте, стирчу! хочъ зотніть, хочъ зірвіть та покінте!« Вінъ и вернувся. Увійходить у хату до господаря та й пита ёго: щó то, каже, чоловіче, у тебе, що я ввійшовъ до порога, такъ кричить: »стою, пробі рятуйте, стою?«—Ну, пане, якъ думаете, що се такé? Отгадайте, щó воно такé оцѣ усе?

Панъ. Ні, не відгадаю. Кажі, такъ знатиму.

Ярема. Отъ, якъ вінъ спитавъ про те що кричить: — стою, пробі рятуйте, стою! — а господаръ и каже: «то невісткі йшли спати, та рогачівъ не поклали».

Хома. Такъ отті рогачі й кричять!..

Ярема. По шкоді й ляхъ мудрий. Ну, пане. — Що жъ то, каже, що я вийшовъ у сіни, а тамъ щось кричить: мокну, пробі рятуйте, мокну! — «То, каже, невісткі пили та конівку у воді покіннули.» — Ну, а те, що я не попавъ у двері, та у коморю, а тамъ дві свічки горять и два голуби цілуютця? — «То, каже, одинъ мій синъ изъ жінкою у любові живє.» — Ну, а те, що я попавъ у другу коморю, а тамъ тежъ дві свічки горять и дві гадюки кусаютьця? — «То, каже, другий мій синъ зъ своєю жінкою несогласно живуть.» — Ну, а те, що, каже, що я побігъ підъ повітку, а тамъ щось кричить: стримлю, пробі рятуйте, стримлю! — «Та то сокирою хлопці щось робили та й покинули сокиру, устроивши у дрівотню.» — Ну, то жъ що такє, каже, що я побігъ на горіздъ, а тамъ стоять два стоги — одинъ більший, другий менший, и зъ меншого у більший жито сиплетця? — «То, каже, мої сани возили сь копійцького та украли, такъ се зъ їхъ та у хазяїнівъ стігъ пересипаєтця.» — А те що, каже, що якъ я вийшовъ у поле, такъ щось кричить: стою, пробі рятуйте, стою! хочъ зотніть, хочъ зірвіть та покиньте? — «То, каже, zostались колюсся на ниві, такъ вони перестояли своє урємья, такъ того й кричять... Ну, теперъ сїдай та сїдай.» — Сказавъ казку.

Панъ. Мудро зложено, бісѣ єго батькові.

Хома. Стривайте, пане, я вамъ загадаю, такъ — такъ!

Ярема. Куди тобі, кваша!

Панъ. Цитьте, ёлови! Я вамъ загадку загадаю, що вамъ и не снілась (Хома и Ярема лащутця коло пана).

»Що є ни світі надъ усє ситчішъ, швидчішъ и милішъ?»

Ярема. Хто єго зна! Ситчішъ — либонъ ваша милость?

Панъ. Дурню!

Хома. Свиня — та, що икѣ різдву на сало годують.

Ярема. А швидчішъ надъ усє — заїць.

Панъ. Шолопаї!

Хома. Ні, пане: швидчішъ надъ усє кішка.

ЯРЕМА. Э, пане, знаю: швидчішть надъ усé блисківка.

ПАНЪ. Не втялі, хлопці.

ХОМА. А щó, пане, міні дастé, коли відгадаю?

ПАНЪ. А щó бъ ти хотівъ щобъ я тобі давъ?

ХОМА. Жупанъ вашъ, пане, що коміръ червоний та цвяхований золотомъ. Уже бъ якъ вийшовъ на улицю, отó бъ дівчата задивлялись!

ПАНЪ. Ну, добре, — дамъ.

ЯРЕМА. Хочъ лизні гарячої сковороді язикомъ, такъ не отгадаешъ. Звісно — панська загадка: куді намъ простимъ!

ПАНЪ, *поглажує нүзо*. Знаете щó, хлопці? (*Хома та Ярема коло ёго лашутця*). Отъ щó, хлопці. Теперъ неділя, люде всі въ селі, — идіть и зберіть усé селó—и мужиківъ и жіно́къ и дівча́тъ, и скажіть імъ оцю загадку, и скажіть, що мовъ «панъ звелівъ объявити усімъ, що хто сю загадку відгадае, то зъ тей сімь панъ за себе буде дівку сватати.» Отъ якъ!

ЯРЕМА. А щó жъ, пане: ніхто́ не відгада!

ХОМА. Та такі ніхто́.

ПАНЪ. Якъ думаете, хлопці, — ніхто́ не відгада?

ХОМА. Ніхто, ніхто. Се вже хочъ якъ, такъ ніхто не відгадае.

ПАНЪ. Ну, йдіть, хлопці; теперъ неділя, такъ люди всі дома; йдіть... Ну, такъ якъ же, хлопці, — іменно ніхто́ не відгада?

ЯРЕМА. Далибі, ніхто́.

ХОМА. Де її відгадати! Ніхто не відгадае.

ПАНЪ. Ну, йдіть та такъ и кажіть, що де відгадають, такъ обіщавъ панъ зъ тей сімь дівчину за себе сватати. Ідіть, а я тимъ часомъ випью чарку горілки та чогó-небудь попоімъ. Отъ захлявъ!

ЯРЕМА. Та такі попоїжте, пане. Зъ півдня крихта въ роті не була, а до вечіра ще далéко.

II.

У пана жъ таки въ будинку.

Прибігають ЯРЕМА зъ ХОМОЮ, одинъ другого попережуючи.

ХОМА. Пане, загадку відгадали!

ЯРЕМА. Мовчи, товстопуза пляшко! а то бéбехи повідбиваю.

Хома. Замокла сопілко, мовчи! а то я тобі такого третячка на зубахъ віграю, що ажъ за ухами залящить!

Панъ. Цитьте, навіжені! Кажі ти, Яремо, що тамъ такé?

Ярема. Прийшовъ до васъ чоловікъ, пане.

Хома. Бреше. То Иванъ Поклоненко.

Панъ. Чого жъ ёму треба?

Хома, *швидко*. Що дочка ёго, Марьєю її звати, такъ ту загадку що загадували, такъ прийшовъ її батько....

Ярема. Ачъ якá пелька! узявъ би та й запхавъ.

Панъ. Покличте того чоловіка, що прийшовъ, — васъ и до півдня не розберешъ (*Увійходить Иванъ Поклоненко*).

Иванъ. Здравія жолаю, Иванъ Миколаївичъ! зъ добримъ здоровьямъ вашу милость поздоровляю (*кланяється*).

Панъ. Здоровъ бувъ. Ти — Поклоненкомъ прозиваєся?

Иванъ. Точно-сь такъ-сь, судиръ!

Панъ. Чого ти прийшовъ?

Иванъ. До вашої милости, по вашому господському приказу...

Панъ. Коли я тебе звавъ?

Иванъ. Не положіть панського гніву (*кланяється въ ноги*)! Я бъ и не тее... не посмівъ би бувъ, — такъ боявся, щобъ гірше вашої милости не прогнівити. Не положіть гніву (*ще кланяється*).

Панъ. Прощаю, прощаю! (*Зъ слізами на очахъ*) Ти гáрний чоловікъ. Я отъ-якъ люблю, якъ міні хто у ноги кланяється!

Иванъ. Ми суть раби ваші зовемо́ся, не сміємо ослуhatись вашого приказу, довжніи те сповнять, що ваша милость велить.

Панъ. Такъ, такъ. Се я люблю. На тобі четвертакъ, Иване.

Иванъ. За що зволите жалувать? Ми не заслужили.

Панъ. Озьми, братецъ, за твое щирее серце, що ти менé шануєшъ.

Иванъ. Якъ же ми сміємо вашої милости не шанувати! Ви намъ есть панъ, — ми черезъ васъ ситі й одіті. Подозволте поцілувать вашу ручку.

Панъ, *зъ радістю*. На! (*Протяга руку, Иванъ цілує*).

Иванъ. Не положіть гніву, будьте ласкові. По вашому приказанію, я прийшовъ до вашої милости по тій часті, що вашій милості вгодно бу́ло намъ простити́ людямъ премудрую загадку

загадати, и звеліли, коли хто одгадає, то щобъ до васъ явитись. Такъ у мене є дочка,—такъ вона послала мене до вашої милости, б́уцимъ вона ту загадку відгадала.

Панъ. Коли се бу́ло, що я загадку загадувавъ?

Иванъ. У неділю. пане.

Панъ. Я шось забувъ, який с́егодні день?

Иванъ. Вівторокъ, пане.

Панъ, *д́ума*. А, згадавъ! Що́ на світі є ситчішъ, швидчішъ и милішъ? Такъ, такъ!... Хлопці казали усімъ людямъ и ніхто не відгадавъ.

Хома. Ніхто.

Ярема. *мота на ёго голову*. Осі́ка!

Панъ. Що́ жъ я тоді сказавъ, що́ я дамъ тому, хто відгадає? Га? якъ пакъ я тоді сказавъ? Сто-рублівъ грошей дамъ, чи́ якъ?

Иванъ, *кланяється*. Изволили запомнитъ, судиръ: ваша милость обішались зъ тією сім'ю дочку́ брати, де загадку відгадають.

Панъ. Такъ такъ! теперъ згадавъ. Ну, що́ жъ? відгадавъ? Кажі: що́ на світі надъ усе ситчішъ, швидчішъ и милішъ?

Иванъ. Ситчішъ надъ усе земля, швидчішъ — око, а милішъ — сонъ. Не положіть гніву, пане.

Панъ. Якъ? відгадавъ?

Хома. Такъ и є: стало-бу́ть, швидчішъ надъ усе земля, ситчішъ — сонъ, а милішъ — очі. Такъ воно́ й є!

Ярема. Тюлю! Ситчішъ надъ усе очі, швидчішъ — сонъ, а милішъ — земля. Отъ якъ, ти, квачъ!

Панъ. Ну, що́ жъ міні теперъ робіти? Тебе за себе заміжъ брати?

Иванъ, *кланяється*. Воля ваша, пане.

Панъ. Та се овсі не-знать-що! Се халепа!

Иванъ. Не положіть панського гніву: се одгадала дочка́ моя.

Панъ. Дочка́? Такъ у тебе дочка́ є? Якъ її звати?

Иванъ. Марья, пане.

Панъ. Такъ се міні її заміжъ брати? А що́ жъ вона, хороша?

Иванъ. Не стакъ-то, поганенька.

Панъ. Погана? Оце такъ! Отъ наробивъ я діла!

Иванъ. Не положіть панського гніву. Я б́ъ не осмілився, та ваше приказаніє.

Панъ. Ну, ну, ти добрий чоловікъ. (*Д́ума*) Ну, що́ жъ теперъ робити?

Иванъ. Воля вашої милости.

Панъ, *ходить по кімнаті*. Женитьця! Ахъ, бісъ ёго батькові! Що жъ тутъ діяти? Нічого! Ахъ, каті ёго батька..! Ну, иди собі! пошлю старостівъ!

Иванъ. Ми суть вірніи и примірніи раби ваші!

Панъ. Ну, ну, ти хороший чоловікъ. Хома, або ти, Яремо, дайте ёму чарку горілки!

(Хома и Ярема побігли).

Хома. Стій!

Ярема. Не втни!

Хома, *штовха Ярему*. Убью!

Ярема, *штовха Хома*. Убью!

Панъ. Якъ ви смієте при міні битьця? *(Бѣ Ярему)* За що ти ёго бьешъ? За що ти ёго бьешъ?

Ярема. Ой, ой!

Хома, *на вколішкахъ*. Помилосердуйте, пане.

Панъ. Иди, горілки неси *(Хома пішовъ)*. А ти вь мене *(бѣ Ярему)* оттакички, оттакички!

Ярема, *плаче*. Вінъ мене попереду зачепивъ.

Панъ. Не бреши, не бреши! Отъ тобі ще! Отъ тобі ще! *(Проганя Ярему. До Ивана)* Прощай, чоловіче.

Иванъ. Не положіть панського гніву *(Пішовъ)*.

Панъ. Оце халепа! Якъ тутъ міні бўти? *(Хома зъ горілкою иде)* Ти що?

Хома. Горілку несу Иванові.

Панъ. Я вже ёго віславъ.

Хома. Такъ вернути?

Панъ. Якъ вернути? Вернути!? Ахъ ти падлюка! Давай сюди чарку *(Бере чарку и випиває разомъ)*. А! *(утираетця)* А! *(тупа ногами)* А! *(копѣлить пѣби)* А! *(берє ёго за грѣди)* А! *(бѣ кулаками)*. Отъ тобі, отъ тобі! Знай, що я твій панъ! Знай, що я твій панъ!

Хома. *біжить, плачучи*. Матівко моя, на віщо ти мене породіла!

Панъ *(оставсь одинъ, скрегоче зубами; очі налились, кулаки стуливъ и кричить)*. Увесь світъ сокрушю!

III.

Въ хаті у Йвана Поклоненка.

(МАРУСЯ сидить у водній сорочці и тче. Увійходить ХОМА та ЯРЕМА, ХОМА съ хлібомъ, а ЯРЕМА зъ яйцями. ЯРЕМА вихватє у ХОМИ хлібъ, а ХОМА у ЯРЕМИ яйця).

ХОМА. *виступає, до Марусі.* Егò благородие Иванъ Николаєвичъ посила тобі поклонъ и жалєє тебе на велике опекунсьтво.... Давай хлібъ!

ЯРЕМА. А дзўски!

Хома вириває хлібъ, Ярема не дає. Хлібъ розломил на дві половинки.

Маруся *тимъ-часомъ співа пісню:*

Ой колі бъ я, мій паночку,

Трощки багатенька,

Наплювала бъ я на тебе

Й на твого батенька.

ХОМА. Щò жъ ти теперъ наробівъ!

ЯРЕМА. Се ти....

ХОМА. Брєшєшь, ти!

ЯРЕМА. Брєшєшь, онцихристова довбєшка! (*Заміряєтця кулакомъ и кидаєтця на Хома. Хома підставля кошіль изъ яйцями, Яреминъ кулакъ вибиває кілька яєць зъ кошелю*).

Маруся, *скóчила.* А щò це за харцизяки такі найшли у хату! Чого ви завелісь! Ачъ! Убрались у чужу солому, ще й шелестять! Та васъ тутъ повязати треба.

ХОМА. А щò! Отъ ми теперъ звьяжемо оцєго бісового сина!

ЯРЕМА. Дурню! Се такъ на сватанні кажетця?

Маруся. Охъ ви, віросли—уму не вінесли! Сідайте-лишень, та я васъ стану питати. А будете лаятьця, — візьму та й роздагну... Ну, оттакъ. Не кушить мовчаночка. Кажіть, чогò єстє прибулі до насъ?

ЯРЕМА. Одъ пана.

ХОМА. Цить! не такъ треба.

Маруся. И на се, мабуть, кибети не стало! И сами не

знають, чого прийшли. Такъ я жъ вамъ скажу: прийшли ви за тимъ, що всякъ купує, а ніхто не продає.

Ярема. Якъ се такъ?

Маруся. Овва! Умієте съ паномъ своїмъ загадки загадувати, а одгадувати, — такъ и ні. Ажежъ я одгадала вашу, и ви бъ мою одгадали. Та де вамъ! Прийдеця самій сказати. Ви прийшли мене сватати, а звісно, що усякъ сватаецця, а ніхто зъ невістою не набиваецця. Отъ воно й виходить, що всякъ купує, а ніхто не продає.

Хома. Такъ.

Ярема. Такъ.

Маруся. Ну, ви знаєте, що старости ходять зъ хлібомъ на сватання. Дежъ вашъ хлібъ, панове-старости?

Ярема. Оцей навіжений, бузувірний....

Хома. Оцей еретикъ, щобъ ёму на тимъ світі....

Маруся. Бачу, бачу, що пристало вамъ старостувати, якъ собаці въ човні сидіти. Ну, та чого барілу зъ кухви глузувати! Хорощі старості! Та й молодá незгірша: старості безъ хліба у хату увійшли, а молодá у водній сорочці їхъ зустріває. Ви тимъ безъ хліба, що дурні, а я тимъ у водній сорочці, що въ мене хата безъ очей и безъ ушей, а хочъ є очі, такъ зав'язані.

Хома. Якъ се?

Маруся. А! умієте загадувати, а розгадати такъ не вмивались! Та й куді вамъ, такимъ бейбасамъ! Якъби собака дзвякнула, то я бъ и почула; а якби віконниці у хаті не зачиняті, то я бъ подивилась, та все бъ таки й пізнала, що ви йдетє.

Ярема. Бачъ!

Хома. Де жъ твій батько?

Маруся. Поїхавъ до млина.

Хома. А коли вернетця?

Маруся. Коли поїде на об'їздъ — такъ вернетця у вєчері, а якъ навпростецъ, то у полі й заночує.

Ярема. Відъ чого жъ такъ?

Маруся. А, и сєго не розчовпетє! Коли поїде навпростецъ, а тамъ дорога погана, тихо іхатиме, — вечора прихватить, то у яру сидітиме.

Хома. А мати твоя де?

Маруся. Пішла на заємъ плакати.

Ярема. Эге, се мабуть покійника ховають?

Маруся. Дитина вмерла у сусіди, такъ мати пішли надъ нею сидіти; а якъ у насъ умре, такъ певно ті до насъ прийдуть. Отъ и вийшло, що мати на заємъ плаче.

Хома. Ачъ!

Маруся. Чимъ же васъ частувать, панове старости: чи прибилю, чи ўбилю, чи тимъ, що на Бога дивитця?

Хома. Отъ, каті ёго батька!

Ярема. Що жъ се такé?

Маруся. Що? мабуть не хватає глѣзду? Прибиль — то молоко, бо якъ зъ корови надоімъ — и коро́ва ціла и молоко прибуває у хазяйстві, а до-того й телѣ годується та росте; а ўбиль — то сало, бо якъ ёго добудешъ, то кабана не стане въ хазяйстві; а те, що на Бога дивитця — то сіривецъ, — онъ-де стоить у кутку. Вінъ у насъ давнішний та кіслий, та якъ напѣсся ёго, то такъ и задерешъ угору голову до образівъ, що онде стоять. — А що се у васъ за яйця, панове?

Хома. Панъ приславъ.

Ярема. Тобі панъ приславъ. *(Одинъ на другою ірізно позирали).*

Маруся. А на віщо їх міні? Хто-таки на сватанні молодій яйця но́сить? Се вже нехай якъ поїду до пана, такъ самъ поча́тує.

Ярема. Се панъ тобі приславъ, щобъ ти взяла десятокъ свихъ яецъ и висиділа къ ранку курчатъ.

Хома. И щобъ панові на обідъ поспіли.

Ярема. А якъ не поспіють, то панъ и братъ тебе за себе не стане.

Хома. Та ще й хлосту дасть.

Маруся. Онъ якъ! Та ви зъ своїмъ паномъ му́дрі, нічого сказати! Давайте яецъ, давайте. Де жъ тутъ десятокъ? Тутъ усе́го шість.

Хома. Оцей бузувірь....

Ярема. Оцей хранцюзь....

Маруся. Годі, годі! Бачу, що побили здауру. Ну, та я свої знайду. Скажіть панові, що я їх и висвижу и ви́годую и къ обіду панові поспіють, та тільки нехай панъ зроби́ть зъ од-нолітківъ плугъ, та віоре нимъ рімлю та насіє проса. Коли те

просо віросте и вберуть ёго до-ранку, и змолóтють, щобъ було чимъ курчятъ годувати,—тоді й курчята мої панові поспіють на обідъ. Оттакъ же — йдіте и скажितъ, та глядіть — не забудте.

ХОМА. Отъ бісъ ёго батькові! Яка жъ ти зъ-сина й мудра, Марусю!

ЯРЕМА. И відъ чо́го ти така розу́мна, скажи, будь ласкова?

МАРУСЯ. Ну, ну! Нічого тутъ до́вго.... Ідіть собі та скажितъ панові те, що я веліла.

ХОМА, *хоче йти попереду, а Ярема дорозу ёмї заступає.*
Стій, я попереду.

ЯРЕМА. Ні, я.

ХОМА. Ні, я! *(розставляє кулаки.)*

МАРУСЯ. Изновъ гризетёсь! О, та й увірились же ви міні! *(Хватає їх за світи та дує підъ поли.)* Отъ же вамъ! Нехай горять!

ЯРЕМА. Де горить? *(Скидає свитку.)*

ХОМА. Ой, ой, ой! *(Скидає свитку.)*

МАРУСЯ *підхвачує свиткі.* Отъ же вамъ, щобъ не лаялись! А щó! казала — роздягну́, отъ же й роздягла́! Ідіть теперъ въ однихъ сорочка́хъ, а свиткі згодя́тця курча́ть укрива́ти.

ЯРЕМА. Отъ тобі на! А се все ти....

ХОМА. Убью вражого сина!... *(Побігли. За дверима чути — кричать та лаютьця.)*

IV.

У пана въ будинку.

ПАНЪ, роздягнутий, лежить на постелі. ХОМА мухи бєе долонею, а ЯРЕМА лоскоче пана по пятахъ.

ПАНЪ. Ачъ! справді неначе й не мужицького роду! Яка розумна! Теперъ самъ не знаю, якъ відъ неї відчепитьця. Озьми, Хомо, пляшку та налий води міні за пазуху. *(Хома робить се)* Послухайте ви, ёлопи! Якъ призову чоловіка зъ пять людей та розложу васъ, та такъ оддеру, що ажъ млосоно вамъ стане. На що ви, сучі сині, казали, що ніхто загадки не відгадає?

ХОМА. Якъ, па́не?

Панъ. Такъ! щобъ васъ сей та той! Хіба я не питавъ васъ: хлопці, ніхто не узнає? А ви кажете: ніхто, ей-богу, ніхто! А теперъ и вийшло чор-зна-що! А все черезъ васъ.

Ярема. Та се Хома все.

Хома. Брепешъ, гирявий! се все ти.

Панъ. Мовчіть, біси вашого батька! Ви, бачу, одежу загубили черезъ свою лайку та сварку, и діла до пуття не довели. Отъ я васъ! Эй, Васильку! (*Увійходить хлопець*) Васильку! Одведи Хому та Ярему: нехай імъ Михайло півсотні дубинякъ у спину заліпить.

Хома. Паночку, соколику, помилуйте!

Ярема. Паночку, лебедуку, помилуйте!

Панъ. Ні, ні, не помилую. Веди їхъ, Васильку... та постій! Нехай теперъ не бє,—я самъ устану та піду. Я отъ-якъ люблю, якъ людей бьють, а вони кричать.

ХОМА та ЯРЕМА плачучи вийшли. Черезъ кілька минутъ увійшовъ ОЛЕКСІЙ.

Олексій. Продавъ я, пане, пшеницю въ городі и скупивъ усе, що треба по-домашньому.

Панъ. Добре. Почімъ же ти продавъ пшеницю?

Олексій. По сімъ съ копою митої четверть.

Панъ. А що жъ такъ дешево? Учора купецъ по дванадцяти дававъ.

Олексій, *скороговоркою*. Та се, видите, судиръ, по той часті, що купецъ набавляє по рублю затімъ, що ёму не перевозити, та вп'ять за містяне.... стало-буть, що на місці купивъ, по рублю, такъ воно якъ ёго счесті, то мало розниці. Та вп'ять и те, що купецъ грощі дававъ, а я товаромъ забіравъ, а воно якъ на товаръ, такъ завжди дешевше продаєця.

Панъ. Ну, може. Скільки жъ грошей? Усіхъ шість четвертей, по сімъ съ копою.... сімъ та сімъ чотирнадцять, та ще сімъ, то вийде... а, катъ ёго батька! вийде... вийде... двадцять одинъ, та ще сімъ, то двадцять вісімъ, та ще сімъ, то тридцять п'ять, та шість полтинъ, то три рублі, то тридцять, тридцять вісімъ. Такъ, Олексію?

Олексій. Такъ, ваше благородие, достошно такъ.

Панъ. Де жъ гроші?

Олексій. Ось подозволте поглядіть, що я тутъ купивъ.

Панъ. У, багато! Скільки всього? Итого сорокъ пять рублівъ. Такъ се, стало-бусть, ти на свої ще гроші купувавъ?

Олексій. На свої, судиръ Иванъ Миколаєвичъ!

Панъ. Такъ скільки оце ще тобі грошей слідує?

Олексій. Изволте полічить, судиръ.

Панъ. Три... ні! Два цілковихъ: — такъ, чи що?

Олексій. Истинно такъ, судиръ Иванъ Миколаєвичъ!

Панъ, *дає йому гроші*. На жъ тобі.

Олексій. Покорніше благодарю, судиръ (*Бере написаний лікв и ховає у кишеню*).

Панъ. Ну, послухай, Олексію: зроби міні, будь ласківъ, що я въ тебе попрохаю.

Олексій. Що прикажете, судиръ?

Панъ. Отъ бачишь, Степановичу: загадавъ я людемъ загадку.

Олексій. Знаю, судиръ, и обіщались зъ теі сімї панію собі взяти, де відгадають, а Йванова Поклоненкова дівчина й відгадала.

Панъ. Отто жъ то й е! Що жъ тутъ міні робити? Брати її не приходитця: пани сміятимутця, що я, такий стовповий дворянинъ, та взявъ таку просту крепачку. Ти самъ знаєшь, що батюшка мій поручикомъ бувъ, а дідушка мій у малоросійській козацькій службі хорунжимъ служивъ. А я оженюсь на протій! якъ се можна?

Олексій. Справедливо говорите, судиръ!

Панъ. То-то жъ и е! Якъ же зъ нею міні розв'язатись? Я вже думавъ и такъ, и инакъ. Хотівъ їй ще загадку загадати, такъ хлопці мої, Хома та Ярема, такі ніякъ не втихомірютця: що пошлю їхъ, то вони задерутьця, и діла до пуття не доведуть.

Олексій. Та, по-моему, просто послать та й сказати їй, що не буде сего ніколи; атó и óвсі не посилять: такъ вонó й минетьця.

Панъ. Не можна, Степановичу, погана слава піде. Скажуть: що се за панъ, що разъ скаже такъ, а вдруге инакъ.

Олексій. Ну, такъ отъ якъ: послать її батька що-небудь продавати, а опісля сказати, що, мовъ, обманівъ, та й не братъ дочкі и ёго ще випарить.

Панъ. Эге! и такъ не годітця. Чоловікъ добрий — батько,

слухняний, та й впасть таки поганої слави не минешъ. А я видумавъ отъ-якъ: загадаю їй таку загадку, щобъ вона до-віку — до-суду не розгадала. Отъ видумавъ, отъ загадка! (*Підскажує*) Звелю їй приїхати до мене, та тільки такъ, щобъ ні санями, ні вóзомъ, сама щобъ була ні боса, ні обута, ні гола, ні вдягнута, ні волóмъ, ні конéмъ, ні війкомъ, ні голóблею, ні зъ гостинцемъ, ні безъ гостинця. (*Регочетця*) Отъ якъ! Оце такъ! Нехай розгада! Якъ думаешъ, Олексію?

Олексій. Хто ёго знає, пане. Здаєтця, трудно що-небудь видумати.

Панъ. Такъ-отъ я тебе пошлю переказати їй оце. Чуешъ?

Олексій. Хмъ. Міні, ваше благородіє, якось не пристало. Ви зволте послати кого-небудь молодшого, а то я вже старій, та впасть міні якось неподóбно.

Панъ. Отъ ище! Хиба старі такъ и не ходять сватати? Хто жъ и сватомъ бувáє, якъ не старі? Ні, вже зділай милость, Степановичу, ти міні — отъ якъ міні услуживъ! (*Дає ёму аси-націю*). Ось на тобі! Будь ласківъ, зроби те, що я прошу.

Олексій, *о́ума, потімъ кланяєтця*. Для вáшої милости піду; атó далєбі, ні за що бъ не пішовъ, якби не ви прохали. Треба послухати свого пана, та ще такого дóброго... Коли жъ мені йти?

Панъ. Заразъ иди.

Олексій. Піду, судиръ. (*Уходить.*)

Панъ. Васильку! покличъ міні хлопцівъ, Хому та Ярему. Роскажу їмъ, що я придумавъ: то-жъ-то сміятимуться!

V.

На дворі у пана.

ПАНЪ, ХОМА, ЯРЕМА, ОЛЕКСІЙ.

Олексій. Се, пане, хто ёго зна, що й такé! Сказáла, що «приїду до пана такъ, якъ ёго милость приказує.»

Хома. Ого!

Ярема. Лїха мáтері приїде! Бреше!

Панъ. Нехай собі їде. Уже жъ вона, бїсова дочка, сєгóдні зна, якъ зъ паномъ водитьця. Иди собі, Олексію. А ви, хлопці,

приведіть сюди хортівъ, та усіхъ, такі усіхъ... та якъ стане до двора доїздити, то ми її зацькуємо оттутъ: вони її, бісову, розшматують. Біжіть, хлопці, та швидче.

ХОМА та ЯРЕМА біжать, попережаючи одинъ другого.

ОЛЕКСІЙ. Пане! пане! Іде наша краля, та ще яка! Якъ казала, такъ и є!

ПАНЪ, *вбігъ на рундукъ*. Де, де? Гей, хлопці, сюди! Отту її, отту її!

(Вїзджає МАРУСЯ безъ сорочки, увязана неводомъ, на одній нозі дїрявий черевикъ, друга нога боса, та личкомъ перевязана; сидить на якихсь гренджолахъ, що зъ одного боку колесо, а зъ другого половъ. До гренджолівъ привязана палиця, а до палиці ликомъ козелъ. Підъ пахою у неї заїць.)

ПАНЪ. Отту її! Отту її!

(МАРУСЯ кида зайця. Собаки вшкварили за зайцемъ. Маруся скочила на рундукъ.)

VI.

У пана въ хоромахъ.

ПАНЪ. МАРУСЯ одіта панею. ОЛЕКСІЙ.

ОЛЕКСІЙ, *увійшовъ, поклонивсь панові, а на Марусю позирнувъ*. Прийшли, пане, вп'ять ті мужики, що сїдять обѣ сокирі. Чимъ-небудь зволте кончить. Уже й то що-дня сюди вештаютьця, нічого не роблють, на панщину не ходять, тільки все оснóву снують одъ дóму до двóру. Пожолуста, розсудить їхъ зовсімъ.

ПАНЪ. А, каті їхъ батька! Отъ огідли! Скажі, нехай завтра прийдуть.

ОЛЕКСІЙ. Та щó жъ зъ сéго буде? Усé завтра та завтра. По мо́ему совіту, ваше благородие, узять та й перепорóть обóхъ, щóбъ не позивались за чор-зна-що.

МАРУСЯ. Ну, ну, ну! Ти чо́го тутъ кричишъ? Игумену діло, а братіи зась. Ачъ які! Зазна́лись ви, хлопці. Хіба самъ панъ не зна, щó й сказа́ти? Твое діло знать—прийшовъ, сказавъ та й

годі, ато ще зь совітами тиськаеся! Геть відсіль! Гляди, щобъ торби не злякавсь.

Олексій. Та щó жъ міні, пане, сказати?

Маруся. Иванъ Миколаєвичъ! На що ви справді вóдите людéй? Розсудить їхъ та й годі. Скажи, нехай подождуть біля крильця (*Олексій вийшовъ*).

Панъ. Послухай, Марусю: знаешъ, щó я тобі сказавъ? Я тобі приказувавъ не мішáтись у мої суди. А? Шо се справді! Я тутъ панъ, а не ти!

Маруся. Отъ, уже й розсёрдилися. Бáчите, які ви, пане. Хіба я вамъ що погане кажу? Я ваша жонá, та не смію нікуди вступатись? Олексієві—такъ можна, а міні такъ ні? Хіба за те, що Олексій васъ обдурює?

Панъ. О!

Маруся. А то жъ щó? Не уступáйся, кажете, у мої суди... а багáто ви насудили сами? Зъ незнатъ-чогó люде у двіръ цілий тиждень вештають, а ніякъ и досі імъ суду не дадуть!

Панъ. Та бачъ, Марусю: діло, катъ ёго матіръ, заплуталось. Скоро-то ёго розшолопаешъ? Уже я й самъ и такъ и инакъ, думаю—думаю, ночі не засплю, а все думаю, разівъ зъ дéсять подушку переверну́, та все думаю.

Маруся. Е чогó думать? Два дурні сокиру знайшли та й не ладють, кому її брати. Ходімо лишéнь; я їхъ зáразъ розсужу.

Панъ. Такъ будуть люде сміятись.

Маруся. Чогó?

Панъ. Скажуть: ачъ який панъ! не розсудить людей свої́хъ самъ.

Маруся. Отъ тобі на! А я хіба не пáні? Вони не сміятимуться. Ходімъ.

Панъ. Ну, ходімъ. Та тільки се такъ одинъ разъ; у другий щобъ ти ніжé-ні не сміла мішáтись у судъ мій. — Хлопці, ви́несіть стули на рундукъ; підемъ судить-рядить.

ХОМА та ЯРЕМА, поспіхаючи одинъ одного, відчиняють двері на ганокъ. ПАНЪ зъ МАРУСЕЮ вийшли та й сіли).

Панъ. Ну, гляди́ жъ: одинъ разъ та й тілки; а то якъ станешъ менé перебивать, такъ вижену геть.

МАРУСЯ, на Хому та Ярему. Ви чого тутъ стоїте, шолопаї? Геть те! Вамъ тутъ не місце...

(ХОМА та ЯРЕМА пішли).

ПАНЬ. На віщо ти їхъ прогнала? Не хочу, ей-богу не хочу! Шо се такé? ти командуєшъ у мене? (*Скочивъ*)

МАРУСЯ. Сідай, сідай! люде сміютця (*Пань сідає*).

1-й мужикъ. Изновъ ми до вашої милости. Розсудіть, пожалуста.

2-й мужикъ. Зробіть панеську ласку, розсудіть.

ПАНЬ. Ну, люде добрі... Отъ цілий тиждень все думаю, якъби васъ розсудіть... Просіть-лишень теперъ молоді пані.

1-й мужикъ. Буде ваша ласка, Марья Йвановна!

2-й мужикъ. Пожалуста, судариня.

МАРУСЯ. А що тамъ у васъ такé?

1-й мужикъ. Знайшли ми, судариня, сокиру удвохъ, та ніякъ не поділимось. Я кажу, що я знайшовъ, а вінъ каже, що вінъ. Я пменно знаю, що я; такъ що жъ будешъ робить! — лізе та й лізе: моя, каже, сокира; я, каже, упередъ угледівъ. Розсудіть насъ, пані.

2-й мужикъ. Ей-богу, неправда! Отъ же, нехай мене злидні побють, коли се правда! Йдемо ми по луці — лежить сокира. Я й кажу: дивись, Иване, сокира. А вінъ каже: де, Пархоме? А я кажу: ондечки. Та й пішовъ за нею, а вінъ попереду забігъ та й ухопивъ. Оце й та сокира — у Олексія була вона: — ось подивітця: отъ вона та сама.

МАРУСЯ. А що тобі робить сокирою?

2-й мужикъ. Обіддя набивати.

МАРУСЯ. А тобі?

1-й мужикъ. А хотівъ бувъ-попрохати въ пана — поїхати у лісъ колякъ нарубати: тинъ розвалився.

МАРУСЯ. Зніміть съ топорича сокиру. Тобі (*2-му мужикові*) на сокиру, а тобі (*1-му мужику*) на топориче.

1-й мужикъ. Якъ же се такъ, пані?

МАРУСЯ. Ні півслова! Розсуділа? — ідіть же собі геть!

(Ище два мужики прийшли)

1-й мужикъ. Розсудіть же й насъ, паніматко.

Маруся. А обь чімъ.

Панъ. Я васъ розсужу. Марусю, я тобі казавъ: не смій уступатись, якъ я стану судить та радить: я на те панъ.

Маруся. А я на те пані! Ну, та якé міні діло! Судить, коли хоче, й самі. Ваші люде — ваша й воля.

Панъ. Чогó ви?

1-й мужикъ. Ночували ми, пане, отту нічъ у полі, та знаєте, поїхали такъ не знать-якъ: моя кобила, ёго візъ та віжки. Отъ, лягли ми й поснули. Коли прокинулись уранці,—дивимось, ажъ біля кобили лошятко стоить. Я й кажу: моя кобила привела лошя! а вінъ каже: ні, мій візъ привівъ.

Панъ. Трудне ваше діло! не знаю, якъ и розсудить. Знаєте, щó? Отъ-щó! Приходьте ви завтра ўвечері; я подумаю и розсужу васъ.

Маруся. А чогó тутъ ище до завтраго тягнути? Ви, пане, їхъ розсудить.

Панъ, *подумавши трохи*. Отъ-щó! Ти кажешъ: твоя кобила привела лошя?

1-й мужикъ. Кобила, пане, ей-богу — кобила.

Панъ. А ти кажешъ: твій візъ?

2-й мужикъ. Візъ, пане,—звісно що візъ: ажежъ ми на возі їхали.

Панъ. Отъ-щó: пустить лошя, куди воно побіжить; коли до воза, такъ твій візъ привівъ лошя, а коли до кобили, такъ кобила.

(Мужики пускають лошя. Воно сліпé, побігло до воза).

2-й мужикъ. А щó! Не моя правда вийшла? Отъ бачъ, я жъ казавъ, що мій візъ провівъ лошя!

Маруся. Отъ же й не такъ треба! Де-такі видано, щобъ візъ привівъ лошя! Ви, пане, отъ якъ їхъ розсудіте. Ти, чоловіче, кажешъ, що кобила твоя привела лошя?

1-й мужикъ. Кобила, пані.

Маруся. А ти кажешъ — візъ?

2-й мужикъ. Звісно, що візъ: ажежъ лошя до воза побігло!

Маруся. Добре. Озьміть же ви лошя да поставте ёго посередіні: коли кобила до ёго побіжить, такъ кобила привела, а

коли візь побіжить, такъ візь. Та тільки отъ-що: хто збрехавъ, того битъ.

2-й мужикъ. Богъ зъ імъ зовсімъ, пані: нехай уже ёго кобила привелá.

(Мужики пішли).

Панъ. Якъ? що се такé? Га? Мене пересужувать та переряжувать? Пана? Отъ-якъ! (*Б'є вікно*) Отъ якъ! (*Хита́ двері*) Матері твої сто болотянихъ. (*Зустрівъ Василька и почавъ его скубти, придворюючи*) Отъ-якъ! Отъ-якъ. (*Василько побігъ, панъ занимъ*).

Маруся. Зовсімъ розумъ розгубивъ! Тільки хвоста не має, а то бъ самъ собі боки повідбивавъ!

Панъ, *вертаеця*. Марусенько, любочко, кришечко! Прости менé, що я на тебе покричавъ.

Маруся. Що бо ти робишъ се, пане? Ну, на віщо вонó схоже? Люде сміютця, скажуть: »скругився панъ«. Далибі, ажъ міні черезъ тебе сóромъ!

Панъ. Далибі, не буду! Нехай міні сей та той, коли буду! Прости менé (*цїлюе*). Отъ же я поїду на лóви, Марусю, а ти останешся у мене господарювати, та вже що хочешъ, те й роби. У всімъ даю тобі волю.

Маруся. Щобъ опісля кричавъ?

Панъ. Ні, ні, не буду ніколи кричать, не буду. (*Иде, потімъ вертаеця*) Я не хочу зъ тобою жити! Бері одъ мене, що є въ мене кращого тобі й ліншого, та й иди собі геть! И не хочу, и не хочу! — иди заразъ!

Маруся. И підú, ей-богу підú,—и не плакатиму!

Панъ, *радий*. Підешъ?

Маруся. Піду, абí давъ міні узяти що найкращого.

Панъ. Бері, бері, тільки одвжись! За тобою и міні життя нема.

Маруся, *пішла и принесла пляшку горілки*. Такъ прощайте жъ, Иване Миколаєвичу! нічого зъ вами робить! Теперъ я вже не ваша пані. Попрощаємось та розлучимось на вішні віки.

Панъ. А се що? для чо́го!

Маруся. А якъ же? Якъ чесно та любо ми побрались, такъ треба намъ и розійтись. Погуляємо на останку та й розлучимось на-віки.

Панъ. И то добре.

Маруся. Пийте, Іванъ Миколаєвичъ, дозволяйтеся.

Панъ *пје*. Иди собі, иди, а пересужувать та переряжувать я себе не дамъ! (*Ще пје*) Охъ-охъ-охъ-охъ!

Маруся. Чи оце жъ тобі, паночку, и не жалко буде мене?

Панъ. Охъ-охъ-охъ-охъ! (*Пје и плаче*).

Маруся. Прощай, мій паночку, мій милесенький, прощай!

Панъ. Прощай, мое серденьточко, моя ластівко, Охъ, Боже мій, Боже мій! Прощай!

Маруся. Випьемъ ще.

Панъ *пје*. Охъ-охъ-охъ-охъ! (*Підскочивъ*) Хто сміє противъ мене грубити? Ніхто, ей-богу ніхто! (*Хоче йти, та захитався. Бє себе по кишені*) Гроші е! (*Бє себе по голові*) Рóзуму багато! Чого міні? Панъ! на всю губу панъ! Охъ-охъ-охъ-охъ! (*Упавъ на стулу головою*).

Маруся. Нехай-лишъ засне.

Панъ *стоїє*.

Маруся. Гей, хлопці! (*Увійшло два чоловіки*) Запряжіть міні шолудиву кобилу у той візъ, що гній вóзють (*Чоловіки пішли*).

VII.

Улиця біля панського двóру.

(На шолудивій кобилі МАРУСЯ везе п'яного пана у вóзі).

Маруся. Нє, нє! урагова! Нє, нє, димáнова! Нє!

Діти *біжять за нею*. Тю-тю! киръ-кирть!

Маруся. Геть, жєвжик! атó якъ свисну, такъ ажъ підъ греблю закотитесь.

Хлопчикъ. Се панъ твій, Марусю?

Маруся. Ну, ну, убирайся! (*Хвиська хлопця, вінъ одбійá*).

Панъ, *прокинувьсь*. Гей!

Маруся. Нє!

Панъ. Що се таке? Ой! що се таке? Господи Ісусе, дє се я?

Маруся. Нє!

Панъ. Озьде церква, отъ садъ, онде будинокъ... Я зъ будинку їду...

Маруся. Нї!

Панъ. Чи я живий, чи вже вмеръ? Де се я? що я такé есть?

Маруся. Нї!

Панъ. Се Маруся. Гвалтъ! Ти... куди ти менé везешъ, чи въ пéкло, чи щó?

Маруся. До-дóму.

Панъ. Якъ до-дóму? Ой, ой, ой! (*Скóчивъ*) Якъ се я тутъ опиився? Ти менé вкрáла, чи щó?

Маруся. Ти міні самъ оддавъ себé.

Панъ. Якъ?

Маруся. Чи ти тямить, що ти міні казавъ?

Панъ. Я тобі велівъ зъ мого двóру убиратись!

Маруся. А зъ якою умóвою? Зъ тимъ, щобъ я узяла зъ твого дóму, що міні найкраще.

Панъ. Ну?

Маруся. А міні кращого нічого нема у твоімъ дóмі надъ тебé: я тебе полюбила. Ти міні казавъ, щобъ я узяла, що міні é кращого й милішого; отъ же я узяла тебе, та й везу.

Панъ. Ахъ, біси твоёму батькові! щó се такé? Хіба жъ оцé ти відъ мене й не відвьяжесся?

Маруся. И, сёго вже й не думай! Хочъ що хочъ роби, а я такі відъ тебе не одчеплюсь! Се вже й гадки не покладай! Бачъ, вигнавъ менé, — такъ я тебе самóго зъ госпóди повезла́.

Панъ. Ну, нічого робить! Мабуть така моя дóля! Та, правда: казавъ же купецъ, що десь панъ оженивъ на прóстій: се мабуть случаетця!

Маруся. Ищебъ то!

Панъ. Такъ поїдемъ же, коли́ такъ, до-дóму, и отъ тобі хрестъ святий передъ церквою... не буду вже ні кричать, ні виганять тебе.... Такі-такъ заплющу очі та й на світь не дивитимусь. Робі́, що знаешъ. Во всімъ твоя воля!

Маруся. Ну! отъ бачишъ? Оттакъ би й давно? Оттеперъ и розумний ставъ!

(Панъ сівъ на візъ. Маруся повернула кобилу, и поїхали назадъ у будінокъ.)

Н. Костомаровъ.

ЧЕРТЫ НАРОДНОЙ ЮЖНОРУССКОЙ ИСТОРИИ.

II.

Назначеніе Ярославомъ особыхъ князей въ земляхъ русскихъ удѣльнаго міра провело въ жизни Южнорусскаго народа новый видъ отдѣльности и самобытности. Прежде другія земли русскія были подъ верховною властію Кіевского князя, — хотя и управлялись и жили сами собою, но составляли его область, отчину. Теперь, съ появленіемъ удѣловъ, съ одной стороны уменьшилось значеніе старѣйшинства Кіевской земли въ ряду другихъ; съ другой, однако, связь между землями не только не прервалась, но укрѣпилась крѣпче по мѣрѣ расселенія одного княжескаго рода въ разныхъ русскихъ областяхъ. Уменьшилось значеніе Кіева въ смыслѣ старѣйшаго потому, что въ другихъ земляхъ старѣйшіе князья уже были не данники Кіевского, но и сами дѣлались старѣйшими надъ младшими въ своей землѣ, а младшіе признавали ближайшее старѣйшинство надъ собою въ князьяхъ не Кіевскихъ, но главныхъ своей земли; связь земель усиливалась потому, что правители земель происходили отъ одного рода, всѣ помнили свое происхожденіе и должны были составлять единую семью; а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскія земли смотрѣли на себя какъ на часть одной общей державы. Послѣ смерти Ярослава мы видимъ такого рода строй: Собственно коренное понятіе о власти князя надъ народомъ сохраняло, въ русской землѣ, свой древній характеръ, но его основныя черты подвергались измѣненіямъ въ приложеніи къ жизни по мѣрѣ сходящихся обстоятельствъ. Народное сознаніе о князѣ признавало его необходимымъ для поддержки порядка и для предводительства военною силою противъ враговъ. Сдѣлалось обычаемъ то, что княжеское достоинство было преимущественно въ Рюри-

ковомъ родѣ; установилось понятіе о томъ, что князь Кіевскій долженъ быть изъ этого рода, но еще не образовалось понятіе о правѣ наследованія между князьями. Воля живого народа, какъ и во всемъ, стояла выше всякаго права и даже обычая.

Во второй половинѣ XI вѣка, явились новые чужеземные враги, съ которыми долго приходилось мѣряться силами Кіеву и Землѣ Русской — Половцы. По лѣтописямъ нашимъ, впервые пришли они на Русскую Землю воевать въ 1061 году, и первое дѣло съ ними было подѣйе Переяславлемъ (городъ этотъ стоялъ на стражѣ Русской Земли); это дѣло разыгралось неудачно. Должно быть, это событіе навело на народъ большой страхъ, ожиданіе худыхъ временъ. Это видно изъ лѣтописнаго разсказа о знаменіяхъ, тревожившихъ тогда воображеніе, — видно, что первая неудача или удача считалась предзнаменательною, какъ вообще у восточныхъ народовъ. Тогда во всякомъ феноменѣ, сколько нибудь выходившемъ изъ обычной чреды явленій, видѣли предвѣстія. Старыя языческія суевѣрія невольнo поддерживались и укрѣплялись въ этомъ отношеніи, монахами и духовными, въ византійскихъ книгахъ, расхваливавшихся тогда по Руси въ славянскихъ переводахъ; они находили оправданіе върванію, что дѣйствительно необыкновенныя явленія служатъ предвѣстіями бѣдствій. Въ 1066 году явилась на западѣ «звѣзда косматая»; въ ея лучахъ находили что-то кровецветное; впродолженіи семи дней она пугала кіевлянъ послѣ солнечнаго заката на западномъ небѣ: — *проявляющи кровепролитые*, — говорили тогда. Потомъ — изъ рѣки Сѣтомли рыбаки вытащили неведомъ какое-то дитя-урода, вѣроятно, брошенное матерью отъ страха, и мать ему не нашлась и не смѣла себя показать, когда нашли его въ рѣкѣ. Съ нимъ не придумали ничего другаго сдѣлать, какъ, посмотрѣвши, подѣйе вечеромъ бросить опять въ воду. Наконецъ сдѣлалось солнечное затмѣніе. «Это вѣдьмы съѣдаютъ солнце», говорили тогда по языческимъ понятіямъ. Какъ это върваніе было древнимъ и укорененнымъ, видно изъ того, что и до сихъ поръ существуетъ такое же суевѣріе въ народѣ: думаютъ, что чаровницы имѣютъ силу управлять естественными явленіями и, уменьшивши въ объемѣ небесныя свѣтила, скрывать ихъ на время.

Дѣйствительно, общее предчувствіе оправдалось. Этотъ набѣгъ Половцевъ былъ только началомъ другихъ непрерывныхъ набѣговъ того же народа. Этого одного бѣдствія было мало: между князьями Русской Земли начались распри и междоусобія. При недостаткѣ сознанія святости гражданскихъ отношеній въ понятіяхъ времени, недорозумѣнія въ прин-

ципъ власти цѣлаго рода надъ цѣлою землею вызвали наружу необузданность личныхъ побужденій. Рѣдко князья останавливались предъ средствами: эгоизмъ бралъ верхъ. Князья приглашали тѣхъ же самихъ Половцевъ, которые опустошали Русскую Землю, для проведенія своихъ видовъ. Нравственный принципъ боролся съ личнымъ увлеченіемъ. Съ одной стороны, понятіе о цѣльности русской державы, сознание народнаго единства, чувство долга, проповѣдуемаго церковью, обращало князей и ихъ дружинниковъ къ желанію мира, единства, къ согласному дѣйствію противъ общихъ враговъ; съ другой — неумѣнье уладиться между собою и управлять страстями, свойственное юному народу, увлекало ихъ къ расторженію связей, которыя они сами же признавали священными. Народныя побужденія шли по той же колеѣ, какъ и княжескія. Князья не могли найти въ народѣ согласнаго противодѣйствія своимъ эгоистическимъ стремленіямъ, потому что въ народѣ, точно также какъ и въ князьяхъ, не дозрѣло сознание средствъ къ поддержанію единства, болѣе чувствуемаго, чѣмъ разумѣмаго. Княжескія междоусобія сплетались съ непріязненными побужденіями Земель между собою, и князь легко могъ составить ополченіе изъ народа и вести его на своихъ родственниковъ въ другую русскую землю, потому что въ тѣхъ, кого онъ соберетъ подъ своимъ *стагомъ* ощущались также своего рода непріязненныя побужденія противъ тѣхъ, которые ополчались за противнаго князя. Какъ бы ни своеволенъ былъ князь въ своихъ намѣреніяхъ, онъ всегда могъ найти въ народѣ толпу удалцовъ, готовыхъ его поддерживать, всегда отыскивались люди, годные составить воинственную толпу, живущую на службѣ у князя и работающую его личнымъ видамъ. Эти толпы были то, что называлось дружинами; князья водили эти дружины съ собою и доставляли имъ средства къ жизни, а дружины готовы были драться съ другими, себѣ подобными, дружинами, держащими сторону другаго князя, чтобы удовлетворять честолюбію, алчности и вообще притязаніямъ своего князя. Такой родъ жизни поддерживался возникавшимъ изъ него же чувствомъ воинской славы и удала. Князь, считая себя обиженнымъ, защищалъ свою славу, и дружина его поставляла себѣ честь въ томъ, что успѣвала проводить его дѣло и получала за то награду: такъ русскіе сражались между собою, ищущи себѣ чти, а князю славы.»

Храбрость, быстрота, ловкость, неутомимость считались добродѣтелями. Молодецъ стыдился сидячей жизни. Стоитъ прочесть Мономахово поученіе, чтобы видѣть, какая дѣятельность составляла тогда ха-

рактёръ того, кто хотѣлъ доброй славы и чести: слѣдовало находиться непрерывно въ дорогѣ, въ трудахъ, опасностяхъ, въ борьбѣ. Самое мирное время посвящалось такимъ занятіямъ какъ охота — подобіе войны, гдѣ предстояли молодцу и труды, и лишенія, и опасности. Удальцы, составлявшіе дружины, часто сами же поднимали князей своихъ другъ на друга, иногда ссорили ихъ, переходили отъ одного къ другому и побуждали послѣдняго къ враждѣ противъ перваго. Оттого нерѣдко лѣтописцы извиняютъ князя въ его несправедливыхъ поступкахъ, приписывая ихъ наущенію дружины. Дружинники толпились въ городахъ, и потому городское населеніе вообще возвышалось, составляло дѣятельную массу; народъ сельскій игралъ роль страдательную. Древнія начала самобытности должны были болѣе и болѣе увядать отъ долгой невозможности себя высказать и отъ необходимости подлечь гнетущей силѣ. Не могла развиваться оппозиція противъ такого порядка въ принципѣ народнаго самоуправленія, потому что южная Русь окружена была чужеземцами, которыхъ всегда могли князья привести, въ случаѣ противодѣйствія. Это и сдѣлалось при Изяславѣ: въ 1067 году Половцы напали на восточные предѣлы Русской Земли. Изяславъ отправился противъ нихъ и былъ разбитъ. Половцы разсѣялись по окрестностямъ и начали грабежи и разоренія. Кіевляне, собравшись на вѣтчѣ, требовали у князя дружины и коней. Изяславъ не далъ имъ. Изъ этого извѣстія видно, что уже прежде существовала партія, опасная для княжеской власти. Имѣя вооруженную дружину, князь боялся, чтобы другіе носили оружіе, чтобъ не допустить до возстанія. Вѣрно, это велось уже издавна; такимъ образомъ, открывается, что князья въ то время не находились въ совершенно-согласномъ отношеніи къ народу. Народъ и власть уже стояли, какъ двѣ различныя силы. Видно, что прежде не безъ успій обходилось удержаніе народа въ подчиненности, ибо Изяславъ не далъ оружія народу даже и тогда, когда явная опасность угрожала со стороны чужеземцевъ, а это могло быть только при такомъ условіи, когда прежде того была испытана княжескою властью опасность позволить народу принимать воинственный характеръ. Народная злоба обратилась на воеводу Коснячка, предводителя княжескаго войска; онъ спрятался. Тогда кіевляне вспомнили, что въ погребѣ сидитъ плѣнный полоцкій князь Всеславъ, взятый на сраженіи. Они бросились освобождать его и возвели въ княжеское достоинство. Въ порывѣ недовольства властію князя все таки кіевляне не могли обойтись безъ князя: уже утвердилось и усвоилось понятіе, что князь необходимъ, какъ предводитель, и никто замѣнить его не можетъ.

Достаточно было уваженія къ лицу какъ къ князю, чей бы онъ ни былъ; бунтъ кіевлянъ былъ опасенъ князю, и его приверженцы изъ дружины, сидѣвшіе съ Изяславомъ въ теремѣ, предложили убить Всеслава. Это предложеніе показываесть ту же неразборчивость въ средствахъ и слабость нравственнаго чувства, какъ и въ совѣтникахъ Святополка Окаяннаго. Видно, что они понимали, что коль-скоро князя не будетъ, то бунтъ усямится, ибо безъ князя кіевляне не могутъ ни на что рѣшиться. Дружина не успѣла исполнить намѣренія, кіевляне освободили Всеслава. Изяславъ не въ силахъ былъ бороться съ народомъ, не имѣя достаточной у себя партіи въ Руси. Дѣйствительно, изгнанный, бѣжавшій, онъ не могъ возбудить въ своихъ сочувствія, и бѣжалъ къ Ляхамъ и чужимъ. Его имущество было разграблено, ибо такъ слѣдовало по понятіямъ того времени: кто виноватъ и осужденъ, того имѣніе бралось «на потокъ.» Черезъ семь мѣсяцевъ явился изгнанный князь съ чужеземною силою. Всеславъ оробѣлъ и бѣжалъ. Кіевляне, оставшись безъ князя, отвыкнуши отъ мысли, чтобъ могъ кто нибудь въ Русской Землѣ, кромѣ природнаго князя, предводительствовать войскомъ, потеряли духъ. Имъ угрожало чужеземное панство; они послали къ Святославу и Всеволоду, просили ихъ примирить съ Изяславомъ, — иначе они зажгутъ городъ и уйдутъ въ Грецію. Это, вѣроятно, сказали не всѣ кіевляне, не цѣлый народъ, но извѣстная партія: невозможно предположить, чтобы въ большомъ городѣ, каковъ былъ Кіевъ, всѣ единомысленно рѣшились на такое переселеніе. Князья призванные помирили кіевлянъ съ Изяславомъ на томъ условіи, что Изяславъ придетъ «въ малѣ дружину» и не будетъ вводить съ собою Ляховъ. Но Изяславъ послалъ впередъ сына своего Мстислава съ отрядомъ Ляховъ; этотъ княжичъ убилъ до 70 человекъ, которыхъ считалъ виновными (они-то, вѣрно, прежде освободили Всеслава), другихъ ослѣпилъ, и многіе, по сказанію лѣтописца, пострадали невинно.

Тогда Русскіе въ селахъ, въ окрестностяхъ Кіева, тайнѣ оказывали мщеніе надъ Ляхами, которыхъ Изяславъ распустилъ «на покормъ:» они тайно избивали ихъ и тѣмъ принудили возвратиться домой. Другіе не такъ были ожесточены противъ иноземцевъ, — по-крайней-мѣрѣ Ляхамъ было въ самомъ городѣ очень весело. Развращеніе нравовъ было довольно велико, чтобъ всякое насильственное дѣло не нашло себѣ опоры и подкрѣпленія.

Съ 1068 по 1073 годъ пробылъ Изяславъ въ Кіевѣ, сначала подъ прикрытіемъ Ляховъ; нелюбовь къ нему Кіевлянъ не могла охладѣть

послѣ варварскихъ поступковъ сына. Впрочемъ, что касается до него лично, то его не считали виноватымъ: онъ былъ *простымъ*. Этимъ неуваженіемъ къ князю воспользовался князь Святославъ Черниговскій, и Изяславъ долженъ былъ бѣжать, въ другой разъ. Четыре года онъ странствовалъ по Европѣ. Въ Майнцѣ онъ просилъ защиты у императора, котораго признавалъ верховнымъ главою государей; сынъ его потомъ въ Римѣ ходатайствовалъ предъ папою о возвращеніи отцу его права. Между Русью и Западною Европою въ тѣ времена еще не существовало той стѣны, которая возникла позже: Русь и Западная Европа принадлежали еще къ одной политической семьѣ; сношенія были частыя и близкія. Когда императоръ, по просьбѣ изнаннаго кіевскаго князя, послалъ къ Святославу посольство, то для того избрано было лицо, которое оказалось шуриномъ Святослава (Святославъ женатъ былъ на принцессѣ Одѣ; братъ ея, посолъ въ Кіевѣ, назывался Бурхардъ и былъ тревскій духовный сановникъ). Это извѣстіе о родствѣ Святослава съ нѣмецкою княжною особенно замѣчательно тѣмъ, что оно упоминается при случаѣ, а не какъ фактъ, на который обращено было бы вниманіе по его рѣдкости. Этотъ фактъ совершенно остался бы намъ неизвѣстнымъ, еслибъ не пришлось кстати по другому, не касавшемуся его самого, поводу упомянуть о немъ, и, конечно, много подобныхъ проскользнуло у лѣтописцевъ, потому что не было повода упоминать о нихъ.

По смерти Святослава, Всеволодъ Переяславскій, овладѣвшій Кіевомъ, не могъ сладить съ Изяславомъ и не рѣшался вступить съ нимъ въ борьбу. Онъ ожидалъ непріязненности со стороны племянниковъ. Всеволодъ уступилъ Кіевъ Изяславу и получилъ себѣ Черниговъ—прежній удѣлъ Святослава. Но тогда явился съ Половцами Олегъ добывать землю, принадлежавшую его отцу. Изяславъ сталъ помогать Всеволоду: Половцевъ разбили, Изяславъ былъ убитъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Кіевляне очень плакали по немъ. Какъ кажется, не было причины сожалѣть о немъ изъ любви, и лѣтописецъ былъ принужденъ пояснить, что Изяславъ былъ человѣкъ добрый, а злодѣянія, совершенныя надъ кіевлянами, принадлежать не ему, а его сыну. Для насъ важно то, что этотъ плачъ по князѣ, который былъ или не былъ лично виноватъ въ варварствахъ сына, но все-таки, какъ видно, потакалъ имъ (ибо того же сына сдѣлалъ княземъ въ Полоцкѣ, и притомъ самъ ничего добраго не сдѣлалъ для кіевлянъ),—этотъ плачъ есть та черта добродушнаго уваженія къ властителямъ, которое мы нерѣдко встрѣчаемъ во всѣ періоды исторіи сла-

вянскихъ народовъ. Это—отсутствіе злопамятности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и силы народной памяти. Можно легко поднять на ноги славянскую массу, но жаръ ея скоро остываетъ; власть, надѣлавшая народу множество огорченій, легко примиряется съ нимъ, коль скоро погладитъ его по головѣ. Мы увидимъ, — еще въ болѣе рѣзкихъ чертахъ покажется это племенное свойство въ исторіи Новгорода.

Въ первые годы послѣ Ярослава совершилось измѣненіе въ юридическомъ бытѣ Руси, — какъ это видно изъ Русской Правды; тогда князья Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ съ мужами своими, Коснячкомъ, Перенѣгомъ и Никифоромъ, сошедшись, *отложили убіеніе за голову*, то-есть, мечь, существовавшую до того времени, но положили выкупаться кунами (но кунами ся выкупати), а прочее все оставили, по прежнему: *якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша*.

Но такъ-какъ мы не знаемъ точно и достовѣрно, что именно въ Русской Правдѣ принадлежитъ времени Ярослава, а что позднѣйшему, то не можемъ потому и опредѣлить, какія изъ послѣдующихъ статей были Ярославовы, и какія явились позже, при Изяславѣ и братьяхъ его, исключая вышеприведеннаго отложенія мести, о чемъ прямо говорится. Замѣтимъ здѣсь, что платежъ виры за убійство не должно разсматривать такъ, какъ будто бы за преступленіе отвѣчали только платою. Напротивъ, самая вира относилась только къ извѣстнымъ случаямъ. Напримѣръ: «будеть ли стоялъ на разбоѣ безъ всякія свады, то за разбойника люди не платятъ и выдадутъ его самого всего и съ женою и съ дѣтми на потокъ и разграбленіе». Вира собственно была не наказаніе, а только доходъ князю за уголовныя преступленія. Вирою отдѣдывался убійца тогда только, когда убійство происходило по ссорѣ или въ пиру: если же убьетъ *въ свадь или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервини, еже ся прикладывають вирою*. Такое убійство падало вмѣстѣ на всю общину или вервь (вервь—отъ веревки, которою, какъ должно думать, обводились края); потому, вѣроятно, что при ссорѣ были свидѣтели, которые могли остановить убійство. Убійца платилъ только часть всей виры; вервь и тогда должна платить, «когда мужъ убьетъ мужа въ разбои, но не ищутъ имени», слѣдовательно, когда нѣтъ преслѣдующаго убійцу, равнымъ образомъ, если убійцы не оказывается, что называлось *дикою вирою*; но когда преслѣдуютъ — иное дѣло: *а головничество самому головнику*. Тутъ уже понятіе объ убійствѣ принимаетъ значеніе преступления. Вообще, статьи Русской Правды, сложенные въ то время, не должно разсматривать какъ кодексъ законоположенія,

а только какъ правила собиранія княжескихъ доходовъ. Самый судъ производился на основаніи старыхъ славянскихъ обычаевъ.

Обстоятельства, сопровождавшія исторію Изяслава Ярославича, показываютъ достаточно несостоятельность Кіева для будущаго, невозможность въ Руси развиваться народному своеобразному строю. Русь была окружена чужеземцами, готовыми вмѣшиваться въ ея дѣла. Съ востока, какъ тучи одна другой мрачнѣе, выходили полчища степныхъ кочующихъ народовъ Азіи, жадныхъ къ грабежу и истребленію: они бросались на Западъ, толкая и истребляя одинъ другого, и все ударялись объ Русь. Племя за племенемъ выступало; заднее всегда почти было грознѣе, многочисленнѣе и страшнѣе для Южной Руси, чѣмъ переднее. Въ X и XI вѣкахъ не крѣпкая, юношеская цивилизація русская терпѣла отъ Печенѣговъ: эти враги еще не такъ были страшны, какъ другіе, Половцы, которые явились имъ на смѣну. Въ борьбѣ съ Печенѣгами перевѣсъ оставался на сторонѣ Русскихъ; это ободряло послѣднихъ и поддерживало въ нихъ удалой духъ, дѣятельность котораго могла бы ослабнуть при совершенномъ спокойствіи. Одноплеменники и близкіе сродники Печенѣговъ, Торки и Берендѣи, еще менѣе представляли изъ себя громадную силу. Если почему-нибудь они могли быть опасны для Руси, то развѣ потому, что поселившись на берегу Роси и смѣшавшись съ Русскими, они вносили въ жизнь послѣднихъ новый, дикій элементъ и задерживали развитие цивилизаціи. Могучими явились лицомъ къ лицу предъ Русскими Половцы,—народъ многочисленный, развѣтвленный на орды, кочевой, не привязанный къ мѣсту жительства, и потому готовый нападать большими массами, не знавшій земледѣлія и потому жадный къ грабежу и разоренію чужого. Съ ними Русскимъ справиться было труднѣе, чѣмъ съ Печенѣгами. Князья, какъ это показалъ Олегъ, не стѣсняли своей совѣсти, когда представлялся случай вмѣшиваться въ дѣла Руси для своихъ личныхъ цѣлей. Съ другой стороны, Поляки начали вступать въ русскій міръ. Святополкъ проложилъ Полякамъ дорогу въ Кіевъ; по его слѣдамъ пошелъ Изяславъ, изгнанный кіевлянами. Возникла у Поляковъ мысль, что Южная Русь есть ихъ подначальная земля; князья надѣлали имъ слишкомъ щедрыхъ обѣщаній. За Поляками выступили на сцену Угры. Князья породнились съ угорскими королями, и послѣдніе стали присылать помощь своимъ родственникамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ думать и о подчиненіи себѣ Русскихъ Земель, пользуясь тѣмъ, что Русь сама, такъ сказать, идетъ въ чужія руки.

При такомъ стеченіи обстоятельствъ, народная самостоятельность уже

не могла найти себѣ простора. Старинная славянская свобода, подавленная князьями и дружинами, пыталась-было прорваться на свѣтъ, и не успѣла. Изяслава изгнало вѣче, вѣче избрало другого князя; вѣче дѣлалось рѣшителемъ судьбы своей, верховною властію, но не надолго. Явилась чуженародная сила на помощь изгнанному князю: вѣче должно было умолкнуть. Святославъ изгналъ брата и овладѣлъ Кіевскою Землею, вѣроятно съ согласія кіевлянъ, которые не могли же такъ скоро забыть поступка Изяславова и, вѣрно, теперь воспользовались случаемъ отомстить ему снова, когда представилась возможность, когда нашелся князь, на котораго они могли опереться. Но этого князя не стало: Изяславъ шелъ опять съ чужеземною ратью. По извѣстіямъ польскимъ, Болеславъ и на этотъ разъ самъ былъ въ Кіевѣ, и въ этотъ-то разъ послѣдовало знаменитое развращеніе правовъ, стоившее польскому князю короны. Извѣстіе справедливое и не противорѣчащее собственнымъ нашимъ лѣтописямъ: въ послѣднихъ нѣтъ ничего о вторичномъ пришествіи Болеслава, но нѣтъ также, чтобы онъ не входилъ въ Кіевъ. Зная, какъ переставлялись, переображались наши лѣтописи, легко можно предположить, что извѣстіе о вторичномъ пребываніи въ Кіевѣ ускользнуло изъ нашихъ лѣтописей. Впослѣдствіи, Изяславъ долженъ былъ уступить Польшѣ Червенскіе города за помощь ему оказанную, и только этой цѣною удержался на своемъ *столи*. Очевидно, когда у князей была возможность призвать противъ народа чужеземную помощь, трудно было народу отстоять свои права противъ княжескаго произвола и поставить выше княжескаго произвола свою общественную волю.

Съ другой стороны, однако, невозможно было развиваться и укрѣпляться прочному властительскому деспотизму. Князей было немало. Изъ нихъ находились охотники засѣсть въ Кіевѣ, какъ и въ другомъ городѣ;—одинъ другого выгоняли и сами были выгоняемы. Прочнаго права преемничества не было. Такъ называемая удѣльная система, сколько ее ни старались уяснить, опредѣлить, до-сихъ-поръ не выяснилась для насъ. У насъ придавали слишкомъ много значенія въ XI вѣкѣ еще такъ сказать рудиментарнымъ правиламъ о столонаслѣдіи, которыя у самихъ князей были тогда еще неопредѣленны, невыработаны, а народъ, по всему видно, вовсе ихъ не сознавалъ; народъ зналъ одно собственно право — право выбора, и признавалъ одинъ родъ, изъ котораго, по своему усмотрѣнію, считалъ лица достойными къ этому выбору, но выборное право безпрестанно задушалось правомъ силы и оружія.

Случаи, повторяемые одинъ за другимъ въ томъ же родѣ, станови-

лись на нѣкоторое время обычаями, но они, однако, въ свою очередь уступали случаямъ иного рода. Единственное право князя—княжить въ Кіевѣ—было все таки—избраніе народа; но какъ противъ народной воли можно было найти противодѣйствіе въ свою пользу, какъ это показалъ два раза Изяславъ, то на-дѣлѣ народная воля замѣнилась волею то воинственной толпы, которая пристанетъ къ князю и приметъ его сторону, то,—вслучаѣ слабости такой толпы,—волею Половцевъ, Поляковъ, Угровъ или Русскихъ чужихъ Земель,—однимъ словомъ—правомъ силы. Та масса, которая составляла народъ дѣйствующій, народъ въ смыслѣ гражданскомъ, политическомъ, была воинственная толпа изъ людей всякаго рода, всякаго состоянія, силою случая вырвавшаяся наверхъ и управлявшая дѣлами края и его судьбою.

Какъ ни скудны вообще лѣтописи въ изложеніи судьбы народной, но достаточно видѣть, что по смерти Ярослава, до Татаръ, Южная Русь безпрестанно наполнялась чуждымъ народонаселеніемъ. Бояре кіевскіе и дружинники князей не составляли преемственныхъ сословій туземныхъ: новые пришельцы безпрестанно являлись, одни приходили, а другіе уходили, переходили отъ одного князя къ другому,—сегодня въ Черниговѣ, завтра въ Кіевѣ, потомъ въ Галичѣ, и такъ далѣе. Отъ этого, занимая должности у князей, они мало были связаны съ народомъ нравственными узами, и думали о своихъ личныхъ выгодахъ на счетъ народа. Жалобы на такія злоупотребленія прорываются вчистую. Новопришельцы, поддѣливаясь къ князьямъ, получали отъ нихъ должности, и называемы были въ отличіе отъ старыхъ *молодиими* или *уными*. Всеволода укоряютъ за то, что онъ слушалъ *уныхъ*. При всякой войнѣ, болѣе или менѣе удачной, князья возвращались съ полономъ; плѣнниковъ селили въ Землѣ Южнорусской. Эти плѣнники были и Русскіе и инородцы. Вотъ, напримѣръ, въ знаменитые походы противъ Половцевъ, въ 1103 и въ 1111 годахъ, князья ворочались съ полономъ, и тогда Половецкіе плѣнники умножали народонаселеніе Русской Земли. Въ 1116 году народонаселеніе Южной Руси увеличилось изъ разныхъ концовъ стороннимъ приливомъ. Володиміръ воевалъ съ Кривичскимъ княземъ Глѣбомъ. Сынъ его Ярополкъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Давыдомъ Святословичемъ взяли Дрютескъ; жители его, приведенные въ Южную Русь плѣнниками, поселены въ новопостроенномъ городѣ Жельни. Въ тотъ же годъ, князья, по приказанію Мономаха, ходили на Довъ и плѣнили три города. Жители ихъ, вѣроятно Половецкаго или вообще Тюркскаго племени, сдѣлались военноплѣнниками и поселены въ

Южной Руси. Тогда же Ярополкъ взялъ въ плѣнъ себѣ жену, дочь Яскаго князя; безъ сомнѣнія, не одну ее взялъ онъ, но и другихъ съ нею, и вотъ часть Яскаго племени вошла въ составъ Русскаго народа. Въ 1128 г. Мстиславъ воевалъ Бѣлорусскую землю и тогда князья привели значительную часть плѣнниковъ: *изворотилишася со многихъ племени*. (Ипат. 11.) Съ другой стороны, когда Мстиславъ, въ 1130 году заточалъ, Кривичскихъ князей въ Греціи, то по ихъ городамъ понасадилъ своихъ мужей, слѣдовательно сдѣлался приливъ населенія изъ Южной Руси въ Кривическую землю. Владиміръ Мономахъ, въ 1116 году, посадилъ посадниковъ въ Душѣ; любопытный этотъ фактъ остается темнымъ; безъ сомнѣнія, отправился посадникъ въ далекую страну не одинъ: съ нимъ отправлено было извѣстное населеніе, долженствовавшее поддерживать Кіевскую власть въ этой странѣ. Такимъ образомъ, когда Южная Русь наполнялась инороднымъ населеніемъ, Южноруссы поселялись въ другихъ странахъ Руси и, слѣдовательно, ослабляли свой элементъ въ отечествѣ.

Съ конца XI вѣка, Торки, Берендѣи и Печенѣги начали входить въ жизнь Русскую и составили часть Южнорусскаго народа. Въ 1054 и 1060 годахъ, они являются во враждебномъ отношеніи къ Русскимъ. Подъ послѣднимъ изъ годовъ говорится объ ихъ изгнаніи, но черезъ 20 лѣтъ видно, что они жили около Переяславля; позже являются они на правой сторонѣ въ городѣ, называемомъ ихъ именемъ Торческъ, стоявшій на устьѣ Роси. Новый приливъ этого поселенія въ Русь совершился при Владимірѣ Мономахѣ въ 1116 году, когда жившіе на Дону соплеменники прежде приходившихъ въ Русь были разбиты и изгнаны Половцами. Торки вмѣстѣ съ Печенѣгами явились тогда въ Русь. Съ тѣхъ поръ эти народы, раздѣленные на три отрасли — Торки, Берендѣи и Печенѣги, составляли народонаселеніе береговъ Роси (Поросье) и участвовали въ междоусобіяхъ князей. Имя Черные Клобуки было для всѣхъ общее и давалось имъ Рускими по вѣшнему признаку (Изсл. Пог. V, 194). Кромѣ этихъ трехъ отраслей, встрѣчаются другія названія, какъ напримѣръ Коуи, Каспичи, Турпѣи и другіе; иные назывались по родоначальникамъ, напримѣръ Бастѣва чадъ; о другихъ, какъ о Каспичахъ и о Коуяхъ, которымъ давались ихъ имена, можно заключать тоже. Часть ихъ обитала на лѣвой сторонѣ около Переяславля въ Черниговской области подъ разными племенными и мѣстными именами. Нельзя думать, чтобъ они были совершенно кочевой народъ: когда они установились въ Южной Руси, то кромѣ городовъ, служившихъ имъ пріютами, они жили и деревнями, слѣдовательно должны были заниматься обработкою земли. Такъ,

въ 1128 году, когда разнесся слухъ, что Половцы, заклятые враги Торковъ, бросились на нихъ, велѣно было загонять ихъ въ Баручъ и другіе города на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Народъ полукочевой и воинственный, они составляли войско князей, и не имѣя прочной симпатіи къ краю, переходили то къ той, то къ другой сторонѣ. Въ половинѣ XII вѣка, когда наступалъ разгаръ междоусобій, они и тогда рѣшили судьбу края. Ихъ важное значеніе видимо особенно во время распрей Изяслава Мстиславича съ Юріемъ. Такъ, при самомъ водвореніи Изяслава и перевѣса его надъ Ольговичами, въ 1146 году, ихъ голосъ рѣшаетъ избраніе Изяслава (ты нашъ князь, и Ольговича не хотимъ). Какъ важны были они для Изяслава Мстиславича, видно изъ слѣдующаго мѣста: въ 1150 году говорится: *еще уже въ Черныя Клобуки вѣдемъ, а съ ними ся скушимъ, то надѣемся на Бога, то не боимся Горія, ни Володимера*. Князья искали привлечь ихъ на свою сторону, надѣясь торжествовать. Подъ 1154 годомъ говорится, что обѣ Изяславъ плакали Кіане и Черные Клобуки: здѣсь упоминаніе о Черныхъ Клобукахъ показываетъ, что они играли важную роль въ исторіи края. Они пользовались уваженіемъ по своей воинственности. Изяславъ Мстиславичъ, посылая къ Угорскому королю и обнадеживая его въ томъ, что самъ онъ силенъ, даетъ знать, что его стороны держатся Черные Клобуки. Въ 1161 году, князь Ростиславъ посылаетъ къ Святославу просить прислать своего сына въ Кіевъ, чтобъ этотъ сынъ узналъ людей *лучшихъ* Торковъ и Берендѣевъ. Въ 1159 году, измѣна ихъ Изяславу Давидовичу и переходъ на сторону князя Мстислава Изяславича рѣшили судьбу княженія. Изяславъ, видя себя оставленнымъ Берендѣями и Торками, долженъ былъ отказаться отъ искушенія княжить въ Кіевѣ. Точно также въ 1172 году, Мстиславъ и союзные ему князья должны были уступить силѣ Андрея Боголюбскаго, когда увидали, что *Черный Клобукъ подъ нами льститъ*, то-есть, не держатся прямо ихъ стороны. Въ 1192 году, Святославъ долженъ былъ воротиться изъ-за Днѣпра изъ предпринятаго похода противъ Половцевъ, потому что *Черніи Клобуци не восхотѣша ѣхати за Днѣпръ*. Ихъ было значительное число, (иначе они бы не имѣли такого важнаго значенія) и потому, что упоминается о многихъ городахъ, имъ принадлежавшихъ. Въ 1156-мъ году, Берендѣи, имѣя у себя города по Роси, просили у князя Мстислава Изяславича еще по городу за то, чтобъ оставить сторону Изяслава Давидовича. Въ 1177 году упоминается о шести городахъ ихъ, взятыхъ Половцами. Ведя сначала жизнь кочевую, они мало по малу приу-

чались къ осядлости; получая отъ князей, въ награду за помощь, города, служившіе имъ для убѣжищъ, куда они помѣщали свои семейства и пожитки, вмѣстѣ съ тѣмъ они получали и земли, къ этимъ городамъ принадлежавшія. О многочисленности ихъ можно тоже судить по величинѣ отрядовъ, которые они могли выставять... Въ 1172 году Глѣбъ посылалъ для подѣзда отрядъ въ 1500 человекъ. Нѣсколько разъ упоминается о большихъ отрядахъ ихъ, отправленныхъ въ походъ, на примѣръ въ походахъ противъ Половцевъ. Въ 1183 году Святославъ Кіевскій *отряди молодежь князь передъ своими полки... и Мстиславъ Володимировичъ и Берендѣе все съ нимъ, было 2100.* Въ 1185 году, *увѣдѣше Кончака, бѣжавша, посласта по Кунтувля, въ 6000.*

Кажется, будетъ совершенно справедливо—въ этомъ чужомъ племенѣ, поселившемся среди Рускаго населенія и слившемся съ нимъ впоследствии—искать корня козацкаго общества. Въ XII вѣкѣ, въ южнорусскомъ Кіевскомъ краѣ, воинская толпа, рѣшавшая судьбу князей и края, состояла уже не изъ однихъ Русскихъ (Славянъ), но и изъ инородцевъ, вошедшихъ въ Русскую жизнь. Князь совершенно зависѣлъ отъ расположенія къ нему дружинъ и полка сбродной военной толпы; оттого князь долженъ былъ дѣлиться съ дружиною и своими выгодами, и оттого въ числѣ похвалъ, расточаемыхъ князьямъ, постоянно приводится и то качество, что добрый князь не собиралъ себѣ имѣнія, но раздавалъ дружинѣ: *бѣ бо любя дружину и злата не собираеть, имѣнія не щадяеть, но дааеть дружину (Л. 139).* Когда Кіевомъ овладѣвали князья, прежде установившіеся въ другихъ земляхъ, то привозили съ собою изъ тѣхъ земель и мужей своихъ, которымъ и раздавали должности; эти мужи смотрѣли на новое свое назначеніе, какъ на средство къ личнымъ выгодамъ, и пріобрѣтали ненависть народа, поддерживаемую и тѣмъ знатными туземцами, которые по причинѣ появленія новыхъ гостей, лишались сами того, что давалось пришельцамъ. Коль скоро князь умиралъ или былъ изгоняемъ, его мужи подвергались злобѣ народной: ихъ грабили, а иногда и убивали. Такъ было при Святополкѣ Изяславичѣ. Такъ со Всеволодомъ Ольговичемъ явились его приверженцы, вѣроятно изъ Чернигова, и когда Ольговичи должны были, въ лицѣ Игоря, уступить Изяславу Мстиславичу, Кіевляне ограбили и мужей Игоря. Также дѣлали съ Суздальцами послѣ смерти Юрія Долгорукаго.

Все эти случаи показываютъ, какъ подвижно было населеніе Кіева и земель его. Мужь, бояре и дружина, располагавшіе судьбою края, то

появлялись, то исчезали, то возвышались, то падали; въ Руси не могло образоваться ни прочной княжеской власти, ни родовой аристократіи, ни еще менѣе — народоправленія.

Не смотря на такой порядокъ, неблагопріятствовавшій гражданственности, начала образованной жизни въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, развиваемыя христіанствомъ, не давали народу впасть въ кочевую дикость. Сношенія съ Византією и Западомъ и давнія торговыя связи продолжали поддерживать стремленія къ гражданственности. Христіанство распространило въ народъ понятіе о духовной жизни и знакомило народъ съ книжнымъ ученіемъ. Въ періодъ удѣльный, до Татаръ, въ Южной Руси переводились и читались византійскія книги, большею частию религіознаго содержанія; были и свои оригинальные писатели, не только духовные, но и свѣтскіе, какъ это показываетъ пѣснь Игорева; упоминаемый въ ней Баянъ и нѣкоторыя черты изъ памятниковъ тогдашняго времени указываютъ на то, что самобытная поэзія достигала уже литературнаго смысла. Такъ образовалось въ Южной Руси сліяніе гражданственности и духовнаго просвѣщенія съ дикостью и кочеваньемъ, началъ свободы общественной съ деспотическимъ произволомъ. Князья выбирались и признавались народнымъ голосомъ, но народное значеніе сосредоточилось только въ случайной толпѣ удалцовъ; утѣшенія и противонародныя поступки власти наказывались судомъ массы, но масса эта была неправильно организована; отсутствіе сословности, родовой аристократіи, привиллегій сословій, вмѣстѣ съ тѣмъ произволъ случайно-сильнаго и униженіе слабого и незначительнаго, — во всѣхъ этихъ чертахъ народной жизни видѣнъ зародышъ будущаго козачества.

Въ концѣ XI вѣка, Южно-Руская земля обозначается уже по отдѣламъ своей народности: въ Черниговѣ образовалась своеобытная земля, на Волыни также, тоже и въ Червоной Руси. Судьба народа въ этихъ отдѣлахъ Южной Руси ускользаетъ изъ исторіи, ибо лѣтописи гораздо болѣе заняты Кіевомъ, а по отношенію къ другимъ областямъ говорятъ только о князьяхъ. На Волыни центромъ сдѣлался Владиміръ. Князь Ярополкъ Изяславичъ, посаженный Всеволодомъ, былъ изгнанъ сыновьями Ростислава, внука Ярославова; а потомъ выгналъ Ростиславичей великій князь Всеволодъ и посадилъ тамъ сына своего, Владиміра. Ярополкъ привелъ Поляковъ, чтобъ возвратить свое прежнее владѣніе. Владиміръ уступилъ Владиміръ съ Волынью Давиду и удержалъ Луцкъ, котораго жители сами сдались; но потомъ Ярополкъ изгналъ, съ помощію Поляковъ, Давида Игоревича и помирился съ Владиміромъ Всеволодовичемъ,

но, продолжая воевать съ Ростиславичами, въ 1086 году, былъ убитъ подъ Звенигородомъ.

Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ участія народа не видно; ясно только, что судьба этого края не имѣла ничего прочнаго и власть надъ ней не была опредѣлена и находилась въ распоряженіи случайно-сильнѣйшаго. Князья, съ помощію Ляховъ-сосѣдей, могли утверждаться, не спрашиваясь жителей. Но постоянное стремленіе утвердиться въ извѣстномъ городѣ показываетъ, что существовало въ народѣ понятіе о старѣйшинствѣ нѣкоторыхъ городовъ въ своей Землѣ. Эти города были: Владиміръ и Луцкъ. Въ 1089 году, явилось самобытное княженіе Святополка въ землѣ Дреговичей, въ Туровѣ.

Время, когда Кіевъ и вся Руская Земля состояли подъ управленіемъ князя Всеволода, лѣтописцемъ-современникомъ обозначено особенно ярко: его набожность, уваженіе къ монахамъ и священникамъ и христіанское благочестіе пріобрѣло ему похвалы (любя правду, набдя убогья, въздая честь епископомъ и пресвудиторомъ, излиха же любяше черноризци, подающе требованье ихъ, бѣже и самъ въздержася отъ пьянства и отъ похоти.) Но управленіе его рисуется тѣмъ же лѣтописцемъ не въ привлекательномъ видѣ: *нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ створя съ ними; си же начаша заводити и негодovati дружины своя первыя и людемъ не доходити княжеся правды, начаша тѣуны грабити, людей продавати, сему не вѣдоущю въ болѣзняхъ своихъ* (1).

Здѣсь подъ *уными* разумѣются новопрішлые, люди недавно возвысившіеся и не связанные родовыми отношеніями старины съ народомъ; они, естественно, болѣе думали о собственной выгодѣ, чѣмъ о правдѣ. Къ умноженію народнаго неблагополучія явились болѣзни; люди уми-

(1) Быть можетъ, о такой безнечности князя, какая выставается въ Всеволодѣ и которая была перѣдка въ князьяхъ южнорусскихъ, — говорятъ старыя пѣсни, напримѣръ въ пѣснѣ о Чурилѣ Пленковичѣ, гдѣ къ князю Кіевскому приходятъ сначала молодцы звѣроловы жаловаться на пришельцевъ чужихъ охотниковъ, выловившихъ звѣрей; потомъ являются другіе, рыболовы, жалуются, что пришельцы выловили рыбу; наконецъ явились сокольники и кречетники изъ порѣчныхъ острововъ подъ Кіевомъ и говорятъ, что набѣжали пришельцы и похватили ясныхъ соколовъ и бѣлыхъ кречетовъ... На первыя жалобы князь *стольный Кіевскій ѡсѣтъ, ѡсѣтъ, прохлаждается, ихъ челобитья не слушаетъ*. Онъ спохватился только тогда, когда ему принесли вѣсть о его соколахъ, потому что это ближе къ нему, какъ его собственность личная, а не народная. Какъ живо эта пѣсня очерчиваетъ поведение князей и духъ тогдашняго управленія!

рали различными недугами; осень и зима 1092 года были до-того обильны смертноcтью, что втеченіе времени отъ заговѣнья на постъ передъ Рождествомъ Христовымъ до мясопуста продано въ Кіевѣ 7000 гробовъ. Половцы дѣлали набѣги на села и города Южной Руси, преимущественно на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но иногда прорывались на правую. Народъ пугали разныя явленія, считаемыя предзнаменательными, какъ, напримѣръ, рассказывали, что когда Всеволодъ былъ на охотѣ за Вышгородомъ, то упалъ съ неба *превеликій змій*; было землетрясеніе; думали видѣть указаніе чего-то страшнаго для будущаго, въ кругѣ, явившемся посреди неба; отъ засухи земля казалась сгорѣвшею, воспламенялись боры и болота отъ неизвѣстныхъ причинъ. Отовсюду приносились въ Кіевъ рассказы о разныхъ чудесахъ и знаменіяхъ; но ничто до такой степени не казалось страннымъ и непостижимымъ, какъ вѣсти, приносимыя изъ земли Кривичей, изъ Полѣсья: говорили, что тамъ бѣсы разъѣзжаютъ по улицамъ на коняхъ, икто только выйдетъ на улицу, того сейчасъ поразятъ, и тотъ умретъ; начали и днемъ являться они на коняхъ — только никто ихъ не видѣлъ, говорить лѣтописецъ, но *конь ихъ видѣти копыта*. (Суевѣріе литовское: въ литовской демонологіи — духи въ видѣ всадниковъ — обыкновенное страшное явленіе).

Ожидаемая народомъ бѣдствія разразились дѣйствительно только при Святополкѣ Изяславичѣ, сдѣлавшемся княземъ кіевскимъ. Пришедши изъ Турова онъ раздавалъ должности тѣмъ, которые сопровождали его оттуда. Они держали съ нимъ совѣтъ; къ кіевлянамъ не было довѣрія. Половцы отправили пословъ къ Святополку просить мира. Одни совѣтовали примириться, но пришедшіе съ Святополкомъ Туровцы, соперники партіи кіевлянъ, настаивали на войну. Святополкъ пригласилъ Владиміра Всеволодовича изъ Чернигова; отправились воевать, но въ войскѣ ихъ не было согласія. Дружина каждаго князя распоряжалась по-своему на переکورъ другимъ. Князья были разбиты у Триполя, и Половцы страшнымъ плѣщемъ разсѣялись по Русской Землѣ, грабили, брали въ плѣнъ. Такъ былъ взятъ городъ Торчскій, населенный Торками; его сожгли и повели жителей въ плѣнъ: то былъ обычай Половцевъ. «Тогда много страдали христіане (много роду христіанска стражюще) — говорить лѣтописецъ: *печальни, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ, опустивше лица, почерпивше тѣлеса, незнаемою страною, азыкомъ испаленымъ, називающе и боси, нощи имущи сбодены терніемъ, со слезами отвѣщаваху другъ ко другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего города; а друзи: азъ сего*

веси; тако спрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и въздышюще, очи возводяще на небо къ Вышнему. (Лавр. сп. 96). Вдобавокъ ко всеобщему горю, въ 1094 году явилась саранча (пру-зи) и поѣла весь хлѣбъ на корню. Сверхъ того, сынъ Святослава, Олегъ, сдружился съ Половцами, и при помощи ихъ, выгналъ Владиміра Всеволодовича изъ Чернигова, гдѣ княжилъ нѣкогда отецъ его.

Тогда явился одинъ энергическій человекъ среди всеобщаго разложенія: Владиміръ Всеволодовичъ, прежде княжившій въ Черниговѣ, а по изгнаніи оттуда Олегомъ — въ Переяславѣ. Онъ умѣлъ по-крайней-мѣрѣ дать отпоръ Половцамъ, подвинулъ на ополченіе и разбилъ враговъ, и тѣмъ поколебалъ ихъ увѣренность въ своемъ превосходствѣ. Владиміръ былъ единственный человекъ въ удѣльномъ періодѣ, задумавшій установить прочную связь между княжествами. Въ 1094 году, Олегъ изъ Тмутаракани, съ толпою Половцевъ, явился въ Сѣверской землѣ и выгналъ Владиміра, который перешелъ въ Переяславль. Отсюда возникла между ними вражда. Когда Владиміръ старался подвинуть всѣ силы Русскаго міра для противодѣйствія Половцамъ, Олегъ мѣшалъ этой цѣли и держался съ Половцами, такъ-какъ они ему доставили Черниговъ. Въ Переяславлѣ убили двухъ Половецкихъ князей, пришедшихъ туда для заключенія союза. Владиміръ не хотѣлъ-было рѣшиться на такое предательское дѣло, но дружина Ратибора, кіевскаго тысяческаго, приговорила убить ихъ, ибо они нѣсколько разъ преступали клятву. Дружина кіевскаго тысяческаго быть-можетъ здѣсь имѣла значеніе вѣча кіевскаго, и Владиміръ долженъ былъ ихъ послушать. Отъ Олега требовали выдачи одного изъ княжичей Половецкихъ, но онъ отказалъ. Тогда Владиміръ приглашалъ Олега вмѣстѣ съ князьями собраться въ Кіевъ и тамъ положить рядъ предъ епископами и игуменами и мужами и людьми градскими, какъ оборонять Землю Русскую отъ поганныхъ. Это было нѣчто въ родѣ сейма всѣхъ земель, ибо мужи должны были находиться изъ другихъ княженій и люди градскіе вѣроятно были не одни кіевляне. Олегъ отвѣчалъ, что ему непристойно отдавать себя на судъ епископамъ, игуменамъ и смердамъ. Неизвѣстно, въ какомъ смыслѣ сказалъ онъ послѣднее слово: назвалъ ли онъ презрительно смердами мужей, дружинниковъ и людей градскихъ, или въ самомъ дѣлѣ это должны были быть смерды. Послѣ этого вспыхнула война и разыгрывалась въ Ростовской области, захваченной Олегомъ. Между тѣмъ, Половцы ворвались въ Кіевъ, ограбили и зажгли предмѣстье и Печерскій монастырь. Въ 1097 году война кончилась тѣмъ, что Олегъ долженъ былъ смириться. Назначенный съѣздъ въ Любечѣ постано-

виль, чтобы все князья довольствовались своими отчинами. Это постановление не было общимъ правиломъ навсегда, чтобъ всякій князь, коль-скоро онъ князь, непременно владѣлъ волостью: оно относилось только къ существовавшимъ тогда княжескимъ отношеніямъ. Главная цѣль этого съѣзда была — ополченіе противъ Половцевъ и взаимное дѣйствіе противъ нихъ; уложеніе владѣній княжескихъ было только средствомъ къ удобнѣйшему веденію войны съ внѣшними врагами, а не цѣлю («и сняшася Любичи на устроенье мира и глаголаша въ себѣ рекуще: почто губимъ русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? а Половци землю нашу несутъ розно и ради суть, оже межи нами рати? Да поне отселе имемъся во едино сердце и блюдемъ русскыѣ земли, каждо да держитъ отчизну свою.» Лавр. сп. стр. 109); и притомъ не все князья получили волости: дѣти Святополка и Володимира не получили, а о полоцкихъ и вообще кривскихъ князьяхъ, и о Новѣгородѣ, нѣтъ и помину. Вслѣдъ за тѣмъ, Святополкъ и Давидъ Игоревичъ, князь Володимира волынскаго, привлекли къ Кіеву червоно-русскаго князя, Василька, предательски взяли его, и онъ былъ ослѣпленъ Давидомъ. Владимиръ поднялъ войну за такое беззаконіе и подошелъ къ Кіеву. Кіевляне могли испытать на себѣ наказаніе, ибо когда Святополкъ взялъ Василька, то спрашивалъ объ этомъ вѣче кіевское, и кіевляне предоставили своему великому князю на волю, какъ поступить съ задержаннымъ княземъ. Поэтому Владимиръ, идя карать за злодѣяніе, имѣлъ право метить кіевлянамъ. Дѣйствительно, въ Кіевѣ были люди, которые, въ угодность своему князю, совѣтовали ему поступить предательски съ Василькомъ. Святополкъ хотѣлъ бѣжать. Кіевляне его остановили, отправили къ Владимиру посольство и помирили князей, съ тѣмъ, чтобы они отправились наказывать Давида. Выгнали Давида, и Святополкъ посадилъ дѣтей своихъ на его мѣсто. Вслѣдъ затѣмъ, Святополкъ хотѣлъ отнять Червоную Русь у Ростиславичей. Тогда Волынь сдѣлалась сценою войны, безъ сомнѣнія разорительной для жителей. Вмѣшались въ дѣло Угры, которыхъ призвалъ Святополкъ; вмѣшались Половцы, призванные Давидомъ. Половцы одолѣли. Но Волынцы стали противъ Давида и передавались кіевскому князю. Наконецъ, при посредствѣ Владимира, эта усобица прекратилась тѣмъ, что Давиду данъ Дорогобужъ, — оставили его такимъ образомъ безъ наказанія за злодѣяніе надъ Василькомъ и только предали смерти мужей — его, совѣтниковъ.

Послѣ прекращенія распрей, Владимиръ Всеволодовичъ, сдѣлавшійся главнымъ двигателемъ событій, душею вѣка, соединялъ князей и дружи-

ны ихъ въ походъ противъ Половцевъ въ 1103 и въ 1110 годахъ. Оба похода были очень удачны. Не ограничивались только охраненіемъ предѣловъ Русской земли отъ набѣговъ, а сговорились войти въ степь, гдѣ Половцы кочевали на востокъ отъ русскихъ предѣловъ, между Вореклюю и Дономъ, хотѣли навести имъ страхъ и охладить надолго, если не навсегда, отвагу, съ какой они нападали на Русь. Ополченіе состояло не только изъ княжескихъ дружинъ, но и изъ простого народа, смердовъ, взятыхъ съ «рольи», ибо дѣло было народное. Когда дружинники возражали на совѣтъ, что не слѣдуетъ отрывать весною смердовъ отъ роль и, Владиміръ отвѣчалъ имъ: «удивительно, какъ это жалѣете смердовъ и лошадей ихъ, а того не помышляете, что Половчинъ найдетъ весною, отниметъ у смерда коня, и самого съ женою и дѣтьми повлечетъ въ неволю, и гумно зажжетъ. «Чтобъ придать ополченію этому религіозное значеніе, Владиміръ пригласилъ священниковъ съ образами: они шествовали предъ полкомъ и пѣли кондаки честному кресту и канонъ пресвятой Богородицы. Это имѣло нравственное вліяніе: Русскіе одержали побѣду надъ Половцами; городъ половецкій Шаруканъ сдался, а городъ Сугровъ сожженъ. На рѣкѣ Сальницѣ, Половцы претерпѣли сильное пораженіе. Разсказывали, что русскимъ князьямъ помогали ангелы и срубивали невѣрнымъ головы невидимо! Когда привели въ Кіевъ плѣнниковъ, то они говорили: «какъ можемъ мы съ вами биться, когда другіе ѣздятъ поверху васъ въ свѣтломъ оружіи, страшные, и вамъ помогаютъ!» Говорили, что самый походъ противъ Половцевъ внушенъ былъ свыше: Владиміръ ночью видѣлъ при Радосынѣ видѣніе въ Печерскомъ монастырѣ: огненный столбъ, стоявшій на трапезницѣ; онъ переступилъ надъ церковь и потомъ полетѣлъ по воздуху за Днѣпръ, по направленію къ Городцу: этимъ указывался воинственный путь Русскимъ противъ враговъ креста Христова. Этотъ походъ произвелъ сильное впечатлѣніе на народное чувство. Его-то, какъ видно, воспѣлъ въщій Баянъ; его слава — говоритъ лѣтописецъ — разнеслась по странамъ дальнимъ, «ко Грекомъ и Угромъ, и Лехомъ и Чехомъ, *дондеже и до Рима пройде!*» Римъ представлялся въ народномъ воображеніи предѣломъ извѣстнаго, особенно славнымъ и почтеннымъ мѣстомъ, далѣе котораго не восходить уже географическія знанія. Уваженіе къ Риму поддерживалось въ народѣ жившими въ Кіевѣ, въ значительномъ числѣ, католиками.

Блестящіе подвиги противъ Половцевъ, энергическая защита Русской Земли, сочувствіе къ народу, неутомимая дѣятельность и быстрота, которая проявляется въ характерѣ Владиміра, рисующемуся въ его поученіи дѣ-

тямъ, попытка установить что-то новое, общее для Русской Земли — все обличаетъ въ Мономахѣ человѣка выше остальныхъ, и неудивительно, что народъ любилъ его и долгое время сохранялъ его память. Вражду его съ Олегомъ и междоусобія по поводу ея намъ теперь трудно оцѣнить. Нѣкогда былъ въ нашей литературѣ споръ по этому предмету. Но такой споръ основывался единственно на соображеніи правъ родовыхъ между князьями, которыя вообще были неопредѣленны и остаются до-сихъ-поръ темными. Народъ не всегда соображался съ ними; еще тогда не угасла самодѣятельность народной жизни, а потому выше правъ родовыхъ стояло право призванія и признанія. Если Ярославъ и подѣлилъ удѣлы между сыновьями, то этимъ еще онъ не установилъ какого-нибудь твердаго порядка для дѣлежя потомкамъ, чтобы каждый князь по какому нибудь родовому праву необходимо долженъ былъ получить такую или другую землю. Наслѣдственный принципъ развивался и усиливался въ теченіи вѣковъ. Нельзя признавать исключительнаго права Олега на Черниговъ, когда отецъ его, хотя и получилъ отъ Ярослава Черниговъ, но послѣ того, овладѣвъ Кіевомъ, изгналъ оттуда Изяслава и сдѣлался самъ кіевскимъ, а не черниговскимъ, княземъ; столько же права имѣлъ на Черниговъ и Всеволодъ, бывший послѣ Святослава, а потомъ Мономахъ, княжившій въ Черниговѣ послѣ Всеволода (Лавр. сп. стр. 85—87). Ученые наши искали порядка и системы въ преемничествѣ удѣльныхъ князей, но вопросъ проще объясняется — участіемъ народа, иногда изображаемаго шайкою дружины, иногда кружкомъ богатыхъ, иногда случайною толпою всякаго рода удалцовъ; пользуясь случайною силою, они признавали, чтобъ былъ княземъ тотъ-то, а не другой — вотъ и право! При такого рода правѣ, конечно, претенденты достигали своихъ цѣлей тѣмъ, что подбирали себѣ толпу приверженцевъ и старались, посредствомъ этой толпы, получить власть: сила и удача рѣшали вопросъ. Преемничество по праву было еще, такъ сказать, въ зародышѣ; образовалось сознаніе, что княжескій родъ долженъ править Русскою Землею, но въ какомъ порядкѣ — это еще не установилось и не обозначилось. Самая ближайшая форма, входившая въ сознаніе, была, конечно, преемничество сыновей по отцу: правилъ отецъ — править сынъ; возникло понятное выраженіе: сѣде на столѣ отца и дѣда своего. Но такъ-какъ было много такихъ, которыхъ отцы и дѣды сидѣли на столахъ, то выбрать изъ нихъ и уладить ихъ между собою предоставлялось волѣ народа, которая не могла, какъ мы уже разились, быть чѣмъ другимъ, какъ только волею случайной толпы. Моно-

махъ первый бросилъ мысль о болѣе ощутительномъ, правильномъ, способѣ ея проявленія; но, какъ видно, и онъ самъ не ясно еще представлялъ образъ, въ какомъ этотъ способъ долженъ былъ проявиться.

Правленіе Святополка было во всѣхъ отношеніяхъ тягостно для народа. Кромѣ безпрестанныхъ пораженій отъ Половцевъ, народъ терпѣлъ отъ корыстолюбія князя и его подначальныхъ должностныхъ лицъ. Сначала онъ окружилъ себя пришедшими съ нимъ, Туровцами, которые были чужды Кіевлянамъ и думали о своей выгодѣ; въ чужомъ городѣ они привязаны были къ одному князю, а не къ Землѣ; когда князь обжилъ въ Кіевѣ, около него группировались и кіевляне, дѣлаясь боярами, то есть людьми знатыми и богатыми. Какъ пришельцы, такъ и бояре-кіевляне, налегали тягостію на народъ; извлекая изъ него выгоды и себѣ и князю, — отдали торговлю въ руки жидовъ. Какой необузданный произволъ допускалъ себѣ князь, его дѣти и бояре, — видно изъ разсказа о печерскомъ инокѣ, котораго истязали по доносу, будто бы онъ нашелъ сокровище. Народъ долженъ былъ по-неволѣ терпѣть, и въ противномъ случаѣ бояться худшаго. Половцы терзали страну; еслибы князя прогнали, то онъ ушелъ бы, конечно, къ Половцамъ: на дочери хана половецкаго онъ былъ женатъ; и тогда было бы еще хуже; тѣ, которые рѣшились бы надѣяться на князя, сами подверглись бы гибели, и край подвергся бы пущему разоренію, какъ это уже было тогда, какъ прогнали отца Святополкова.

Но когда умеръ Святополкъ, негодованіе при его жизни таившееся, вспыхнуло. Жадный и жестокій князь успѣлъ составить себѣ партію. Это были бояре и дружина, жившіе подъ крыломъ его на счетъ народа, іудеи — торгоши и ростовщики, а также и между духовными и монахами были сторонники его: онъ строилъ церкви, основывалъ монастыри, построилъ одинъ изъ важнѣйшихъ монастырей — Михаила, названный потомъ Златоверхимъ. Тогда по духу времени растолковано и затмѣніе, бывшее за мѣсяцъ до его смерти, предзнаменованіемъ великаго несчастія — кончины князя, говорили, что это знаменіе не на добро. На погребеніи его плакали бояре и дружина; было чего имъ плакать, когда они лишились своего благодѣтеля и покровителя, и видѣли мрачныя лица народа, чувствовавшаго, что пришла пора расплаты. Вдова князя думала умиловать Господа Бога о душѣ грѣшнаго супруга, раздавая милостыню монастырямъ, попамъ и убогимъ. Была до такой степени эта милостыня щедрой и обильна, *яко дивитися всѣмъ челоувкомъ, яко такои милости никтоже можетъ створити.* Въ порывѣ благочестія, княгиня хотѣла

зль собранное добрь расточить, облегчая между прочимъ и судьбу тѣхъ нищихъ, которые повергнуты были въ нищету корыстолюбіемъ правителя, которому, на награбленные у нихъ деньги, покупалось теперь спасеніе души. На другой день, 17 апрѣля 1113 года, собрались Кіевляне на вѣче и приговорили звать Владиміра на княженіе. Желаніе имѣть его княземъ оправдывалось тѣмъ, что онъ имѣлъ родовое право на столъ отенъ и дѣденъ, ибо его отецъ былъ княземъ кіевскимъ. Но и Святополкъ имѣлъ сына, и его сынъ могъ также придти на столъ отенъ и дѣденъ. Такимъ образомъ, здѣсь наслѣдственное достоинство служило только освященіемъ народному праву, и послѣднее употребляло его различно. Владиміръ сначала отказывался. Тутъ, кажется, была та причина, что Владиміръ хотѣлъ уклониться отъ суда надъ тѣми, которые были обречены уже на кару народомъ: какъ князь, онъ долженъ былъ судить ихъ; онъ разчелъ, что онъ или наживетъ тогда себѣ враговъ, или неугодитъ народу, если станетъ охранять тѣхъ, которыхъ народъ не взлюбилъ, и лучше предоставилъ народу расправиться съ нелюбыми себѣ по своему желанію, прежде чѣмъ онъ, Владиміръ, прибудетъ. По русскому обычаю, тѣ, которые были виновны противъ народа, отдавались на потокъ, то есть на разграбленіе: такимъ образомъ, ограбили жидовъ, ограбили дворъ Путяты, тысяческаго, и сотскихъ. Тутъ, чтобъ предотвратить дальнѣйшія сцены народной мести, нѣкоторые Кіевляне послали снова просить Владиміра прибыть поскорѣе, потому что иначе, — писали къ нему просто-душно, — *пойдутъ на ятровь твою и на бояръ и на монастырь, и будешь отвѣтъ имѣть, княже, — оже ти монастырь розграбятъ.*

Христіанство, какъ мы говорили уже, въ числѣ коренныхъ понятій гражданскихъ, вносило къ намъ неприкосновенность монастырей, неподлеганіе ихъ свѣтскому суду. Хотя народъ и ощущалъ страхъ предъ святостью обителей, но не до такой степени, чтобъ этотъ страхъ могъ остановить разгаръ народнаго суда. Святополкъ грабилъ народъ и раздавалъ монастырямъ. Ограбили жидовъ, ограбили тысяческаго и сотскихъ — это значить воротили то, что несправедливо было захвачено; надобно было и монастыри грабить: и у нихъ было несправедливо собранное имѣніе. Но духовные говорили, что всякое посягновеніе на святыхъ обители повлечетъ наказаніе Божіе надъ народомъ и всею страню. Людямъ разсудительнымъ слѣдовало предохранить монастыри и спасти тѣмъ самимъ страну и народъ отъ Божіа гнѣва за святыхъ обители, еслибъ онѣ пострадали. Такъ въ то время слагались понятія.

Когда Мономахъ вступилъ въ Кіевъ, это былъ день искренней радости.

Народное возстаніе улеглось. Любимый народомъ князь собралъ Кіевлянъ, составленъ былъ охранительный для народа законъ *о рѣзахъ*: постановлено было, что ростовщикъ можетъ брать только три раза проценты, а когда уже возьметъ столько, сколько стоитъ самый капиталъ, то не можетъ брать болѣе процентовъ.

Володимиръ Всеволодовичъ по Святополцѣ созва дружину свою на Берестовѣмъ, Ратибора Кіевского тысячьского, Прокопью Бѣлогородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Іванка Чюдиновича Омова мужа, и оуставили до третьяго рѣза, оже емлетъ въ треть куны: аже кто возьметъ два рѣза, тѣ то взяти емоу исто, паки ли возметъ три рѣзы, то уста ему не взяти. Позволительный процентъ былъ 10 кунъ на гривну. Въ этомъ дѣлѣ заинтересованы были жители Переяслава и Чернигова, ибо изъ Переяслава былъ тысячскій и *отъ Олыа*, слѣдовательно — изъ Чернигова. Это понятно, ибо Черниговъ долженъ былъ находиться въ непосредственномъ коммерческомъ отношеніи съ Кіевомъ, и, слѣдовательно, тамъ должны были отзываться плоды сильной лихвы. Должно думать, что этому же времени принадлежитъ составленіе и другихъ статей, слѣдующихъ за этой въ Русской Правдѣ, именно о купцахъ, о долгахъ и закупяхъ.

Стеченіе обстоятельствъ усложняло вопросы. Частыя войны и нашествія Половцовъ разоряли капиталы; являлись неоплатные должники, являлись, подъ видомъ неоплатныхъ должниковъ, и плуты. Откуда процентщина развилась въ Кіевѣ, поясняетъ слѣдующая за тѣмъ статья: *Аже которій купецъ кдѣ любо шедѣ съ чужими кунами истопиться, любо рать возметъ или огнь, то не насилити ему, ни предати его.* Такимъ-образомъ, открывается, что когда одни рисковали, подвергали опасностямъ домъ, жизнь и имѣніе, другіе давали имъ деньги на проценты. У кого были деньги, тѣ не отваживались ими рисковать и предпочитали брать проценты, оставаясь въ Кіевѣ; находились люди предприимчивые, которые занимали деньги у другихъ и подвергали себя труду и риску, конечно надѣясь пріобрѣтъ себѣ значительныя выгоды; другіе же служили въ родѣ комиссіонеровъ у купцовъ, брали у нихъ товаръ и, не платя за него денегъ, торговали имъ, и выплачивали послѣ. Проценты болѣе и болѣе возвышались; пускать деньги въ торговый оборотъ капиталистамъ становилось болѣе и болѣе опасно, бравшіе у нихъ взаймы деньги подвергались несчастіямъ и потерямъ, не получали выгоды, а проценты считались за ними и нарастали; возвышались вмѣстѣ

съ тѣмъ и цѣны на товары, и народъ терпѣлъ отъ дороговизны. При множествѣ неоплатныхъ должниковъ, юридическія понятія должны были спутаться, возникали частые обманы. И вотъ при Владимірѣ разрѣшили этотъ вопросъ. Положили различіе между тѣмъ купцомъ, который дѣйствительно потеряетъ отъ рати или отъ непредвидѣнныхъ бѣдствій, какъ-то: отъ воды или отъ огня, и между тѣмъ, который *пропѣется оми пробиется и въ безуміи, чужъ товаръ испорытитъ*. Въ словѣ «пропѣется» встрѣчаемъ обычное качество Русскаго народа, а въ словѣ «пробиется» оказывается, по-видимому, то обстоятельство, что пьяницы-гуляки затѣвали ссоры, драки и потомъ принуждаемы были платить виру. Тутъ, вѣроятно, нельзя было отговариваться чужимъ имуществомъ: требовали сейчасъ же виру и брали у виновнаго что ни находили. До этого времени, видно, смотрѣли прямо: кто задолжалъ, тотъ заплати тѣмъ, что есть; но частыя несчастія должны были измѣнить взглядъ. И вотъ установили, чтобы при несостоятельности купца принимать во вниманіе, отъ какой причины онъ несостоятеленъ; вслучаѣ причинъ уважительныхъ, онъ однако не избавлялся при всемъ томъ отъ платежа процентовъ по условію. Въмѣстѣ съ этимъ, нѣкоторые брали капиталъ по частямъ у разныхъ лицъ, и нерѣдко князья участвовали въ долѣ и отдавали свои капиталы въ торговлю: это было нѣчто въ родѣ компаніи, которая препоручала одному торговую дѣятельность за всѣхъ. Такъ представляется дѣло. Вслучаѣ несостоятельности торговца, набравшаго у другихъ капиталы, судъ надъ нимъ производился публичный: его вели на торгъ или продавали имущество его. До Владиміра Мономаха было въ обычаѣ, что тѣ, которые прежде другихъ давали банкроту свой капиталъ, имѣли право на преимущественный предъ другими возвратъ своего достоянія; но теперь постановили, что уже не первый по времени имѣетъ преимущество, а во первыхъ — гость, во вторыхъ — князь. Вотъ въ этомъ измѣненіи можно замѣтить, какъ прежнія понятія равенства личныхъ правъ уступаютъ составившемуся понятію о первенствѣ. Личность князя начала выступать уже въ томъ образѣ, въ какомъ впослѣдствіи явился у насъ казенный интересъ, хотя еще княжеское достоинство не успѣло стать на царственную ногу. Есть еще лицо, имѣвшее въ этомъ случаѣ первенство передъ самимъ княземъ: это гость, *изъ иногю города или чюжеземецъ*: онъ даетъ товары не зная, что покупатель уже задолжалъ многимъ. Это, конечно, установлено какъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не отгонять, но привлекать въ Кіевъ иноземныхъ торговцевъ, такъ и почувству справедливости, ибо дѣйствительно тотъ, кто пріѣзжалъ въ Кіевъ изъ дру-

гихъ странъ, могъ не знать обстоятельствъ того, кому довѣрялъ. Въ статьѣ, касающейся этого предмета, кажется, слѣдуетъ понимать дѣло такъ, что гость имѣетъ преимущество предъ самимъ княземъ (см. текстъ Русской Правды, Калачова стр. 32). Вмѣстѣ съ развитіемъ вопросовъ о долговомъ обязательствѣ, возникли вопросы о наемныхъ людяхъ, закупахъ, которыхъ рѣшеніе, въ Русской Правдѣ, очевидно, принадлежитъ временамъ Владиміра Мономаха. Набѣги Половцевъ, дороговизна, процентщина, корыстолюбіе князей и ихъ чиновниковъ, все способствовало къ тому, чтобы масса нищала, а немногіе частные люди обогащались. Обѣдѣвшіе не-въ-силахъ были прокормить и содержать себя по причинѣ дороговизны; разоренные отъ Половцевъ, оплакивая томящихся въ плѣну домашнихъ, шли въ наемники къ богатымъ. Но тутъ, какъ и слѣдовало, должны были возникнуть недоразумѣнія. Вѣроятно, много было взаимныхъ жалобъ, и онѣ-то привели къ составленію статей и законоположенію для охраненія тѣхъ и другихъ. Видно, что съ одной стороны эти закупы, взявъ деньги отъ господина, давали иногда тягу; а съ другой стороны, господа взваливали на нихъ разныя траты по хозяйству и на этомъ основаніи утѣсняли. Законъ позволяетъ закупу итти жаловаться на господина ко князю или къ судьямъ, опредѣляетъ возрастающую, по степени важности, за обиды и утѣсненія закупу пеню въ его пользу отъ господина, охраняетъ его отъ притязанія господина въ случаѣ пропажи какой нибудь вещи, когда въ самомъ дѣлѣ закупъ невиноватъ; но съ другой стороны предоставляетъ его тѣлесному наказанію по волѣ господина, если закупъ дѣйствительно виноватъ: *оже господинъ бьетъ закупа про дѣло его — безъ вины есть*, и въ случаѣ побѣга угрожаетъ ему полнымъ рабствомъ: *оже закупъ бѣжитъ отъ господина — то обель*. Кромѣ закуповъ, служившихъ въ дворахъ у господъ, были закупы ролейные, поселенные на земляхъ и обязанные работою владѣльцу; иные получали плуги и бороны отъ владѣльцовъ: это также показываетъ обѣднѣніе народа, ибо не было ни въ правѣ, ни въ обычаѣ, чтобы такой закупъ, или заемный полевой работникъ, непременно получалъ орудія отъ владѣльцевъ.

Изъ этого видно, что тогда земледѣльцы, обѣдѣвши, лишенные всякихъ средствъ къ свободному труду, принуждены были наниматься въ работники, и такіе работники и закупы попадали въ чрезмѣрный произволъ владѣльцевъ. Владѣльцы посылали ихъ на работы и придирались къ тому, что они не берегутъ орудій; обвиняли ихъ, когда у нихъ случались покражи, и клали имъ это въ счетъ платы; такимъ образомъ бѣдняки находились въ

неисходномъ положеніи — вынужденные быть всегдашними рабами, зависящими отъ произвола сильныхъ, наконецъ владѣльцы даже продавали ихъ въ рабство, пользуясь своею силой. Все это при Владимірѣ Мономахѣ предотвращается. Къ этому періоду нашего законодательства должны, какъ кажется, относиться и многія постановленія, опредѣляющія положеніе рабовъ (холоповъ); ибо, во всѣхъ спискахъ, статьи, опредѣляющія значеніе холоповъ, поставлены послѣ статей, опредѣленныхъ Владиміромъ: очевидно, что такъ-какъ многіе тогда, пользуясь бѣдностью народа, обращали въ рабство служившихъ у нихъ закуповъ или свободныхъ людей, то и возникла необходимость опредѣлить: что такое холопство, и кто долженъ былъ считаться вольнымъ. Конечно, по юридическому понятію извѣстный взглядъ существовалъ и до того времени, и теперь вошелъ въ законодательство съ прежнихъ обычаевъ. Холопство обѣльное признано трехъ видовъ: первый видъ былъ покупка: иному продавался человекъ самъ въ холопы добровольно; въ такомъ случаѣ согласіе покупаемаго объявлялось предъ свидѣтелями — *послухы поставитъ*; другой покупалъ рабовъ у господъ, но непременно при свидѣтеляхъ, и давалъ задатокъ хотя малый (ногату) въ присутствіи самаго получаемаго холопа. Второй родъ холопства сообщался принятіемъ женщины рабскаго происхожденія въ супружество безъ всякаго условія, — фактъ замѣчательный, показывающій, что были случаи, когда женщины избѣгали рабства выходомъ въ замужество; безъ сомнѣнія, это были частые случаи и потому-то оказалось нужнымъ установить правило. Наконецъ, третій родъ холопства — если свободный человекъ безъ всякаго договора сдѣлается должностнымъ лицомъ у частнаго человека: *тѣвунство безъ ряду, или привяжетъ ключъ къ собѣ безъ ряду*. Такимъ образомъ, служба лицу сама по себѣ уподоблялась рабству: иначе непременно нужно было условіе; это, вѣроятно, произошло отъ того, что во-первыхъ, многіе холопы избѣгали рабства, коль скоро брали на себя должность; во-вторыхъ, что свободные люди, принявъ должность, позволяли себѣ разныя беспорядки и обманы, и за неимѣніемъ условій, господа не могли искать на ихъ управы. Отношенія усложнились и требовали условій и договоровъ. Только исчисленные здѣсь люди могли быть холопами, прочіе — не холопы: въ дачѣ не холопъ (т. е. если дали ему въ долгъ), ни по хлѣбѣ работать (если и за хлѣбъ работаетъ), ни по придаѣцѣ (?); но всякій, кто взялъ въ долгъ, можетъ отработать то, что получилъ, и отойти. Замѣчательно, что по всѣмъ статьямъ Русской Правды не дѣлаются болѣе холопами военнопленные; объ этомъ уже нѣтъ рѣчи.

Бѣгство холоповъ было обыкновеннымъ явленіемъ, какъ и въ послѣдующія времена, а потому и въ этотъ періодъ возникали также постановленія относительно ихъ поимки. Бѣглые холопы обыкновенно находили себѣ убѣжище у другихъ господъ, которымъ служили, будучи обязаны имъ пріютомъ, а когда эти новые господа начинали съ ними обращаться строго, — убѣгали отъ нихъ и искали иныхъ господъ. Для предотвращенія этого постановлено такъ: тотъ платилъ, кто, зная бѣглаго холопа, дастъ ему хлѣба или укажетъ путь, и напротивъ устанавливалась плата въ награду за поимку и задержаніе бѣглаго холопа. Были случаи, когда господа довѣряли своимъ холопамъ разныя дѣла и посылали ихъ торговать. Такимъ-образомъ, холопъ былъ тѣсно, юридически, связанъ съ господиномъ и былъ членомъ его дома, такъ-что за него господинъ отвѣчалъ. Велучаѣ, если бы холопъ занялъ денегъ и займодавецъ зналъ, что занимаетъ холопъ, то онъ давалъ не холопу, а господину, и господинъ обязанъ былъ или заплатить то, что взялъ холопъ, или лишиться холопа; точно такое же правило наблюдалось и тогда, когда холопъ былъ пойманъ въ воровствѣ: господинъ отдастъ холопа тому, у кого послѣдній укралъ, или выкупаетъ его, платя цѣну украденнаго.

Холопъ поставленъ былъ ниже всякаго свободнаго. Но положеніе его, въ это время, по правамъ состоянія кажется было выше, чѣмъ при Ярославѣ. Прежде за побои, нанесенные холопомъ свободному человѣку, слѣдовало убить холопа; а при дѣтахъ Ярослава положено только брать куны; холопъ вообще лишенъ былъ права быть свидѣтелемъ, но въ крайней необходимости можно было ссылаться на такого холопа, который занималъ у своего господина должность...

Во времена Владиміра и сына его Мстислава (1113—1125 г.) мало представляется живыхъ сторонъ народной жизни въ Южной Руси; по крайней мѣрѣ въ нашихъ лѣтописяхъ онѣ какъбы скрадываются подъ иными событіями. Вообще, вѣроятно, народъ, нѣсколько успокоенный рукою Мономаха, менѣе испытывалъ страданій и внѣшнихъ и внутреннихъ. Впрочемъ, въ 1124 году было бездождіе, которое естественно должно было повлечь скудость, — былъ и сильный пожаръ въ Кіевѣ. Въ эти два княженія совершалось заселеніе Южной Руси переселенцами.

Намъ неизвѣстны обстоятельства вступленія на великокняжескій столъ сыновей Мономаха одного за другимъ, но здѣсь не руководило право наслѣдства послѣ отца. По смерти Мстислава сдѣлался княземъ не сынъ его, а братъ — вѣрно по желанію кіевлянъ; но тутъ въ Южной Руси начались сумятицы, имѣвшія печальное вліяніе на судьбу народа. Началъ

дѣло Черниговскій князь Всеволодъ. Дикій, необузданный, онъ еще прежде, въ Черниговѣ напалъ на своего дядю Ярослава, выгналъ его и дружину его истребилъ. Мстиславъ, хотѣвшій помочь изгнанному Ярославу и наказать Всеволода, оставилъ это намѣреніе попросить Андреевскаго игумена Григорія уважаемаго по своей святой жизни: онъ убѣдилъ его не поднимать войны. Конечно, у Всеволода черниговскаго была сильная партія въ черниговской землѣ, когда надобно было опасаться войны. Мстиславъ жалѣлъ потомъ, что послушалъ игумена.

Съ его преемникомъ Ярополкомъ, который, какъ кажется, былъ человѣкъ слабый, Всеволодъ вступилъ въ борьбу. Поводомъ было то, что братъ Ярополка, ростовско-суздальскій князь, требовалъ себя Переяславля и отдавалъ за него Ярополку Ростовъ и Суздаль. Народу эта борьба князей причинила разоренія. Сначала Ярополкъ съ киевлянами плѣнилъ около Чернигова села и загналъ людей въ русскую землю. Потомъ, въ отместку, Всеволодъ, видя что приходится ему бороться не съ однимъ русскимъ княземъ, но и съ другими дѣтьми Мономаха, призвалъ Половцевъ. Вопросъ такъ запутался, что дѣти Мстислава, племянники Ярополка, недовольные дядей, пристали къ Всеволоду. Половцы напали на переяславскую страну, избивали людей по пути, жгли селенія, дошли до Кіева, ввиду Кіева на лѣвой сторонѣ зажгли городокъ, хватали людей въ плѣнъ, другихъ убивали; люди бросились спасаться на другой берегъ и не успѣвали, потому что тогда таялъ ледъ на Днѣпрѣ. На другой, 1136 годъ, опять Всеволодъ съ братьею своею осадилъ Переяславль, вступилъ въ битву на рѣкѣ Супоѣ; потомъ подходилъ къ Кіеву. Эти походы сопровождались разореніемъ селеній и плѣномъ людей. Князья мирились, и опять начинали междоусобіе. Ярополкъ вошелъ съ войскомъ киевскимъ въ черниговскую область и началъ опустошать ее. Но въ 1139 году, черниговцы потребовали, чтобъ Всеволодъ помирился и не бѣжалъ къ Половцамъ. Своихъ силъ ему было недостаточно. Всеволодъ долженъ былъ помириться. Этотъ фактъ показываетъ, какъ междоусобія вообще поддерживались охотниками и истекали столько же изъ нравовъ народа, сколько и князей. Народъ могъ бы прекратить ихъ, еслибы въ тоже время, когда князья воевали между собою, не возбуждались и народныя страсти и удалъ не тянула бы охотниковъ на бранное поле.

Какъ только умеръ Ярополкъ и вошелъ въ Кіевъ братъ его, Вячеславъ, то Всеволодъ опять очутился подъ Кіевомъ и началъ зажигать двори передъ городомъ въ Копыревомъ концѣ. Такимъ-то средствами онъ

заставилъ себя признать княземъ. Вячеславъ добровольно уступилъ. Кіевляне призвали Всеволода...

Новый князь привелъ съ собою своихъ Черниговцевъ и раздалъ имъ должности и городское управленіе. Сила его, очевидно, заключалась въ Черниговцахъ, которымъ льстило то, что они съ своимъ княземъ дѣлались рѣшителями судьбы Русскаго міра. Опираясь на эту силу, онъ деспотически требовалъ перемѣщенія князей съ мѣста на мѣсто. Когда, въ 1146 году, почувствовалъ онъ близость смерти, то хотѣлъ утвердить вмѣсто себя Игоря. Онъ началъ просить Кіевлянъ признать его своимъ княземъ. Кіевляне не терпѣли ни Всеволода, ни его рода, но притворились, что желаютъ имѣть княземъ его брата. Собралось вѣче подъ Угорскимъ; цѣловали крестъ Игорю. Чтобы власть его была тверже, ему цѣловали особо крестъ Вышгородцы. Вышгородъ, какъ кажется, тогда только получилъ значеніе свободнаго города, а прежде былъ пригородомъ Кіева, и князь Кіевскій само собою былъ и Вышгородскимъ; теперь напротивъ, Вышгородъ также присягаетъ особо. Это показываетъ, что Вышгородъ достигъ большей самостоятельности. Пока Всеволодъ былъ живъ, Кіевляне хитрили, и должны были прибѣгать къ обыкновенной рабской уловкѣ — притворству; но когда Всеволодъ умеръ, тотчасъ же собрали вѣче и потребовали на него Игоря. Игорь послалъ брата Святослава. Кіевляне выговорили ему, что у нихъ тѣны княжескіе, что собираютъ княжескіе доходы, люди корыстолюбивые и дурные. *Ратша ныпогуби Кіевъ, а Тудоръ—Вышгородъ*, говорили они; теперь цѣлуй крестъ, князь Святославъ, съ братомъ своимъ: кому будетъ обида, то ты оправляй. Святославъ сошелъ съ коня и поналовалъ крестъ въ томъ, что будутъ у нихъ тивуны выборные *по ихъ волю*. Тогда Кіевляне подняли на потокъ и Ратшу и Тудора, и ограбили Всеволодовыхъ мечниковъ. Игорь послалъ было утишать возстаніе; Кіевляне за то пригласили, вмѣсто Игоря, княземъ къ себѣ сына Мстислава Мономаховича, Изяслава, бывшаго тогда въ Переяславѣ. Этого князя избрали не только Кіевляне и Вышгородцы, но и изъ другихъ городовъ—изъ Бѣлгорода и Василева, отъ всего Поросья потъ Черныхъ Клобуковъ было къ нему призваніе сдѣлаться княземъ Кіева и Русской земли. Здѣсь, сколько извѣстно, мы встречаемъ въ первый разъ избраніе князя всей Русской землей (землей Полянъ) правой стороны Днѣпра. Видно, народъ почувствовалъ, что можетъ распоряжаться своею судьбою вопреки внѣшней силѣ, столь долго его подавлявшей. Пока Изяславъ не подступилъ къ Кіеву, Кіевляне держали свое избраніе въ тайнѣ отъ Игоря:—доказательство, что у Игоря кромѣ

Кіевлянь была тогда чуждая Черниговская дружина: какъ Всеволодъ держался приходомъ Черниговцевъ въ Кіевъ, такъ и Игорь еще не рѣшался довѣриться Кіевлянамъ вполнѣ: ладилъ съ ними и уступалъ имъ, но въ тоже время держался за чужую Кіевлянамъ силу. Эта то нерѣшительность и погубила его дѣло. Кіевляне уговорились измѣнить Игорю тогда, когда уже Изяславъ вступилъ въ сраженіе. Такъ и сдѣлалось. Полки Игоря и его брата были разбиты. Самъ Игорь схваченъ въ болотѣ и посаженъ въ порубъ, въ подземную тюрьму. Такого понятія не было, чтобы князь, по важности своего происхожденія, былъ изъятъ отъ грубаго обращенія: и съ князьями въ подобномъ случаѣ обращались какъ съ простыми. Порубы были такъ неудобны и такъ дурно было сидѣть тамъ, что Игорь заболѣлъ и захотѣлъ въ монахи. Между тѣмъ, братъ Игоря Святославъ Черниговскій пытался освободить брата изъ неволи. Открылась война въ Сѣверской области, — война довольно разорительная для жителей, особенно въ Новгородѣ-Сѣверскомъ. Враги больше, однако, разоряли села князей, съ которыми воевали, сожигали гумна и стоги, забирали стада, составлявшія хозяйственное богатство, подбирали въ погребяхъ медъ въ *бретъ-яницахъ*, желѣзо и мѣдь. *Церкви княжескія считались тоже достояніемъ князей*: ихъ грабили; а рабовъ княжескихъ дѣлили какъ скотъ. У Святослава взяли такимъ-образомъ до 700 рабовъ. Между тѣмъ, князь, двоюродные братья Святослава и Игоря, державшіеся стороны Изяслава Мстиславича, въ надеждѣ пріобрѣсть себѣ всю Черниговскую волость, — потомъ измѣнили ему. Кіевляне, любя своего князя, какъ только услышали объ этомъ, бросились съ неистовствомъ въ монастырь, гдѣ былъ Игорь, выволокли его на вѣче и убили варварскимъ образомъ: полуживого его тащили черезъ торгъ ужемъ за ноги. Такъ-какъ онъ былъ уже монахъ, то духовенство стало смотрѣть на это дѣло какъ на нарушеніе духовной неприкосновенности, и распространился слухъ, что надъ тѣломъ убитаго зажигались свѣчи: вполнѣдствіи его причислили къ святымъ.

Кіевляне такъ глубоко уважали память Мономаха, что несмотря на привязанность къ избранному ими князю, неэнергически воевали противъ дяди его, Юрія Долгорукаго, князя Суздальскаго, когда тотъ, соединившись съ Ольговичемъ, сталъ добывать Кіева себѣ. Кіевъ нѣсколько разъ переходилъ то къ Изяславу, то къ Юрію. Изяславъ бѣгалъ на Волынь и опять возвращался въ Кіевъ. Такъ продолжалось до 1154 года. Въ этой сумятицѣ рушился порядокъ управленія въ Руси. Черные Клобуки, Торки, Берендѣи, инородные поселенцы, своимъ участіемъ рѣшаютъ судьбу края; съ одной стороны Угры, съ другой Поляки, съ третьей

Половцы, приглашаемые претендентами, также вмѣшиваются въ дѣла Руси; право сильнаго рѣшаетъ дѣло. Замѣчательно, когда послѣ смерти Изяслава Мстиславича началась такая сумятица, что на княженіи въ Кіевѣ не было никакого князя, то кіевляне избрали перваго, кто имъ попался изъ рода Ольговичей Изяслава Давидовича, потому что совершенно безъ князя оставаться казалось имъ невозможнымъ. *Попди Кіеву, ать не возмутъ насъ Половцы; ты еси нашъ князь, попди къ намъ.* Но когда Юрій пошелъ на Кіевъ, то Изяславъ долженъ былъ уйти, и кіевляне съ радостію принимали Юрія. По смерти Юрія, случившейся черезъ два года (въ 1158 году), происходили такія же сцены, какъ и по смерти Святополка и Всеволода Ольговича. Юрій, подобно прежнимъ князьямъ, привелъ съ собою суздальцевъ и раздалъ имъ города и села; по смерти его, всѣхъ побили кіевляне, имѣнія ихъ пограбили; ограбили и дворъ Юрія, названный имъ раемъ. Уважая долго Юрія, какъ сына любимаго ими Мстислава, кіевляне не въ силахъ были сдержать своего нерасположенія къ суздальцамъ. Съ тѣхъ поръ, князья являлись въ Кіевъ по волѣ воинственныхъ шаекъ, безъ наблюденія какого-либо права. Сначала Изяславъ Черниговскій, потомъ Ростиславъ Смоленскій, братъ Изяслава Мстиславича, потомъ сынъ Изяслава Мстиславича, Мстиславъ Изяславичъ; послѣдній сидѣвшій, на Волыни, былъ призванъ кіевлянами отъ себя, а Черными Клобуками отъ себя, и долженъ былъ, дѣлать *рядъ* (условіе) съ тѣми и другими.

До 1168 года въ жизни народной не видно ничего выдающагося. Южная Русь подвергалась мелкимъ однообразнымъ междоусобіямъ. Въ 1159 году пострадалъ Черниговъ: окрестности его были выжжены Половцами, приведенными въ край княземъ Изяславомъ Давидовичемъ противъ Ольговичей. Достойно, однако, замѣчанія, что князья, употребляя орды половецкія въ своихъ взаимныхъ усобицахъ, считали долгомъ оборонять отъ нихъ торговые пути. Изъ этихъ путей одинъ назывался путемъ *гречниковъ*, или греческимъ, а другой *залознымъ*. Первый названъ такъ потому, что по немъ привозили изъ Греціи товары и увозили въ Грецію русскіе. Опасное мѣсто для гречниковъ были пороги, не только по причинѣ затруднительнаго плаванія, но и по причинѣ грабежей отъ Половцевъ въ этихъ мѣрахъ. Князья должны были ходить туда съ войскомъ на защиту торговцевъ. Въ 1167 году, нѣсколько князей со своими ополченіями должны были держать караулъ у Канева, пока пройдутъ Гречники и Залозники. Это торговое путешествіе совершалось около извѣстнаго времени въ году. Въ 1169 году, князья снова должны были защищать торговые пути; при

этомъ въ числѣ путей, обезпокоиваемыхъ Половцами, упоминается и *соляной* путь, вѣрно изъ Крыма, гдѣ набирали соль въ озерахъ.

Войны съ Половцами шли удачно, но въ 1169 году Кіевъ испыталъ такое разореніе, какого давно не помнилъ: князь Андрей Суздальскій, закладывая на востокъ новый порядокъ Русскаго міра, послалъ въ Кіевъ войска съ одинадцатью князьями. Дѣло рѣшено было Берендѣями: они измѣнили Кіевскому князю Мстиславу, и передалась на сторону Андрея. 8 марта Кіевъ былъ взятъ и два дня его грабили. Вотъ-какъ описываетъ это бѣдствіе лѣтописецъ: *взятъ же бысть градъ Кіевъ мѣсяца марта 8, въ второи недѣли поста въ среду, и грабили за два дни весь градъ, Подолье и Гору, и монастыри, и Софью и Десятинную Богородицу, и не бысть помилованія никому-же ниоткудаже, церквамъ горящимъ, крестьяномъ убиваемымъ, другимъ влжемымъ; жены ведомы быша въ плѣнъ, разлучаемы пужею отъ мужей своихъ; младенцы рыдаху, зряще матерей своихъ. И взяша имѣній множество, и церкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и колоколы изнесоша вси, Смольяне, Суздальци, и Черниговцы, и Олова дружина, и вся святыня взята бысть; зажъженъ бысть и монастырь Печерскій святыя Богородицы отъ поганыхъ, но Богъ молитвами святыя Богородицы съблюде и отъ таковыхъ. И бысть въ Кіевѣ на всихъ челоуцѣхъ стенаніе и плачъ и скорбь неутѣшная и смерть непрестанная. Се же все содѣяшася грѣхъ ради нашихъ.* (Ип. сп. 100). Съ тѣхъ поръ судьба Кіева еще болѣе чѣмъ прежде зависѣла отъ сильнѣйшаго. Андрей думалъ-было назначить туда подручнаго себѣ князя и сохранять верховное управленіе надъ Русскою землею, пребывая самъ во Владимірѣ, но тутъ стали противъ него сыновья Ростислава, Смоленскаго князя, брата Изяслава Мстиславича. Одинъ изъ нихъ, Мстиславъ Ростиславичъ, съ кіевлянами энергически сопротивлялся и храбро отбилъ ополченіе Андрея отъ Вышгорода. Владимірскому князю не удалось приковать Кіева и Южно-русской земли къ новому центру русской федераціи. Но и князья въ южной Руси уже яснѣе сознавали, что ни за кѣмъ изъ нихъ нѣтъ родового права на древнюю столицу; каждый старался только, чтобъ захватъ Кіева могъ служить благопріятнымъ обстоятельствомъ для его выгодъ. Такимъ образомъ, когда Ярославъ Луцкій князь захватилъ Кіевъ въ 1174 году, то Святославъ Черниговскій говорилъ ему, что онъ не разбираетъ — право ли неправо онъ сѣлъ, но что все они,

князя, одного дѣда внуки, и потому ему надобно дать что-нибудь изъ (кіевской) русской земли.

Послѣ Ярослава захватилъ Кіевъ Романъ Ростиславичъ. Онъ опирался на соизволеніе Андрея Боголюбскаго, который началъ тогда брать верхъ надъ князьями; но когда Андрей умеръ, то Черниговскій князь Святославъ принудилъ его удалиться и самъ сдѣлался княземъ въ Кіевѣ. Участіе народа не изображается при этихъ перемѣнахъ. Очевидно, оно было и выражалось тѣмъ, что, при каждой смѣнѣ князей, удалыя воинственные шайки держали сторону того или другого князя, переходили отъ одного къ другому, боролись между собою, грабили и убивали другъ друга, возводили своихъ князей, есорили ихъ между собою и разоряли край, неусѣвавшій поправиться послѣ каждаго переворота. Въ случаѣ несогласія князя съ толпою, которая возводила его на княженіе, онъ рѣшительно проигрывалъ. «Князь, ты задумалъ это самъ-собою. Не ѣзди, мы ничего не знаемъ» — сказали Владиміру Мстиславичу его бояре; и Черные Клобуки также стали отступать, когда увидѣли, что дружина не пошла за намѣреніемъ князя, и князь оставилъ свое покушеніе. Массы Черныхъ Клобуковъ, Торковъ, Берендѣевъ способствовали разложенію соединительныхъ стихій; недостатокъ сознанія объ отечествѣ въ этихъ чужеплеменникахъ приводилъ ихъ къ тому, что у нихъ не было даже на короткое время опредѣленнаго стремленія; защищая князя, давая ему *роту*, они легко отступали отъ него въ минуту опасности и переходили къ другому. Оттого такъ часто говорится о томъ, что Черные Клобуки, составляя ополченіе князя, льстили подъ нимъ. Князя съ ихъ партіями перестали даже думать о прочномъ утвержденіи; по опыту и по безчисленнымъ примѣрамъ они уже привыкли къ непостоянству судьбы своей и были довольны, когда успѣвали схватить то, что попадалось имъ въ руки на короткое время. Такъ, напримѣръ, въ 1174 году Святославъ Ольговичъ напалъ на Ярослава Изяславича въ Кіевѣ, — тотъ бѣжалъ; Святославъ ограбилъ его приверженцевъ, а дружину его захватилъ съ собою въ плѣнъ, и ушелъ. Ярославъ прибылъ въ Кіевъ, собралъ вѣче изъ кіевлянъ, и говорилъ имъ: теперь промышляйте, чѣмъ мнѣ выкупить княгиню и дружину. И предъ нимъ отвѣчать своимъ достояніемъ должны были кіевляне, уже прежде ограбленные Святославомъ (*стоитъ Кіевъ пограбленъ Ольговичи*). Ярославъ обложилъ всѣхъ: и духовныхъ, и свѣтскихъ, и иностранцевъ, жившихъ въ Кіевѣ: «*попрода весь Кіевъ, иумены и поны, и черниць и черницъ и Латину и гостъ, и затвори весь Кіане*» (Ип. сп. III). Это насиліе онъ могъ сдѣлать лишь вмѣстѣ съ пришлыми Во-

лыдцами изъ Луцка, ибо предъ тѣмъ, когда Святославъ напалъ именно въ Кіевъ, тотъ же самый князь Ярославъ не смѣлъ затворитися одинъ и бросился въ Луцкъ; слѣдовательно, коль скоро онъ теперь имѣлъ возможность такъ поступить, съ Кіевлянами, то, значить, привелъ съ собою силы изъ Луцка. Велѣдъ затѣмъ Святославъ умирися съ Ярославомъ; въ потерѣ остался одинъ Кіевскій народъ, дважды ограбленный тѣмъ и другимъ изъ ссорившихся князей. Этотъ случай можетъ дать понятіе о томъ, какъ дѣйствовали на народъ княжескія междоусобія. Всего болѣе долженъ былъ страдать сельскій народъ, который, конечно, игралъ здѣсь совершенно страдательную роль. Разсорился Святославъ съ Олегомъ Стверскимъ княземъ — и *позже во власть его и много зла сотвори*. Какъ только князь заратится съ княземъ, около обоихъ князей-соперниковъ удалцы собираются и отмщаютъ за князей своихъ — на сельскомъ народѣ, и земледѣлецъ не перестаетъ пить горькую чашу и передаетъ ее дѣтямъ и внукамъ, какъ завѣтъ печальной судьбы своей. Пѣвецъ Игоря такъ изображаетъ эту судьбу народа: *въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоукомъ скратишася. Тогда въ Русскій земли рѣдко ратаеви кикахуть, но часто враны граяхуть, труни себѣ дѣлаче, а галици свою рѣчь говорахуть, хотятъ полетѣти на уедіе*. О бѣдствіяхъ, какія претерпѣвалъ народъ во время междоусобій, когда князья брали города приступомъ, можно судить изъ Кіевской лѣтописи по рѣзкому описанію, какое дѣлаетъ взятый въ плѣнъ Половцами и потомъ возвратившійся Игорь Стверскій: *азъ не пощаждѣхъ хрестіянъ. но взяхъ на щитъ городъ Глбовъ у Переяслави; тогда бо не мало зло подъяша безвинніи хрестіяни, отлучаеми отецъ отъ роженіи своихъ, брать отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ и подруги отъ подруги своей; и все смятено плѣномъ и скорбію, тогда бывшею: живиѣи мертвыѣмъ завидятъ, а мертвиѣи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сѣя искушеніе приѣмше; старци порывахуться, уноты же лютыя и немилостивныя раны подъяша, и проч.* (П. С. Л. т. II. 131).

Когда Святославъ Черниговскій, при помощи другихъ князей Стверской земли, отнималъ Кіевъ у Ростиславичей, князья помирились такъ, какъ не бывало еще: Святославъ сдѣлался княземъ Кіевскимъ, а Рюрикъ княжилъ надъ всею Землею Русскою. На одной сторонѣ были Половцы; со стороны противной Черные Клобуки. Такъ то иноплеменики, вмѣшиваясь въ драки Русскихъ князей, вмѣдрялись въ жизнь нашу. Тѣсное сближеніе съ нами Половцевъ было для нихъ благопріятно, потому что

въ то время возникла уже торговля съ Русью, и гости (купцы) ходили извѣстными, опредѣленными дорогами изъ Половецкой земли въ Русскую, и обратно. Но коль скоро Святославъ примирился съ Ростиславичами и сѣлъ въ Кіевѣ, Русь ополчилась противъ Половцевъ, какъ противъ чужеземныхъ враговъ; отношенія къ нимъ приняли видъ борьбы съ иноплеменнымъ народомъ и врагами. Въ это время какъ будто бы оживилась Русь, какъ будто бы расцвѣло сознаніе, что Половцы обезсилили Русь, задерживаютъ ея торговлю и прекращаютъ земледѣліе. Князья стали дѣлать сѣзды, какъ во времена Мономаха, подъ предсѣдательствомъ Кіевского князя. Такъ, въ 1183 году, князь Кіевскій Святославъ созывалъ противъ Половцовъ князей Черниговской и Сѣверской Земли, князей Русскихъ, Волынскихъ, Червонорусскихъ, однимъ словомъ князей Южнорусской Земли. Въ этомъ событіи явно обозначается взаимное тяготѣніе князей Южнорусскихъ земель особо отъ другихъ, совершенно сообразно народному развѣтвленію. *И совокупишася къ нима: Святославици Мстиславъ и Глѣбъ и Володимѣръ Глѣбовичъ изъ Переяславля, Всеволодъ Ярославичъ изъ Луцка съ братомъ Мстиславомъ, Романовичъ Мстиславъ, Изяславъ Давидовичъ и Городенскій Мстиславъ, Ярославъ князь Пинскій съ братомъ Глѣбомъ, изъ Галича отъ Ярослава помочъ, а своя братья (Черниговскіе) не идоша, рекуще: далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ своею землю пусть оставити, но же поидеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Суль.* (Ип. 127). Конечно, въ этомъ предпріятіи участвовали и дружины, безъ которыхъ князья не предпринимали ничего. Тутъ были и Русскіе, и Полѣсчане, и Галичане. Ч. Клобуки имѣли въ этомъ союзномъ ополченіи бросили свое участіе, какъ часть Русской корпораціи, какъ отдѣльная земля, такъ какъ древняя ихъ племенная вражда къ Половцамъ, которой начальный исходъ для насъ неизвѣстенъ, соединяла ихъ съ Русскими. Однако это событіе не можетъ считаться доказательствомъ чтобъ понятія о цѣлости и единичности Южнорусской страны, утвердилось до сознанія, что всѣ ея части постоянно необходимо должны дѣйствовать сообща; ибо вскорѣ, въ послѣдующихъ походахъ противъ Половцевъ, участвуютъ только Русь — Поляне да Полѣсье. Походы князей въ 1183, 1184, 1187, 1190 совершались удачно для Русскихъ. Походъ въ 1183 году былъ предпринятъ въ охрану Русской Земли на востокъ. Русскіе ходили на берега Мерлы; въ другихъ годахъ войны съ Половцами происходили на берегахъ Днѣпра и имѣли видъ обороны торговыхъ путей. Во всѣхъ этихъ взаимныхъ стычкахъ

Русскіе брали стада и плѣнниковъ, слѣдовательно эти войны должны были прибавлять Турецкаго элемента въ Русской землѣ.

Несчастенъ былъ походъ Игоря Сѣверскаго и съ нимъ всѣхъ князей Сѣверской Земли; съ князьями своими были Куряне, Трубочане (часть Вятичей), Путивляне, Рылъсчане и Черниговскіе Коуи — Тюркское населеніе, подобно тому, какимъ были Черные Клобуки въ Русской землѣ. Это ополченіе, зашедшъ далеко въ малоизвѣстную степь между Осколомъ и Дономъ, на берегу рѣки Каялы было разбито и князья взяты въ плѣнъ. Тогда ободренные Половцы напали на восточныя страны Русской земли, принадлежавшія Переяславу, и начали опустошенія. Тогда взятъ былъ между прочимъ городъ Рымовъ; часть жителей избавилась отъ плѣна, успѣвъ уйти по болоту, а прочіе, оставшіеся въ городѣ, достались въ неволю. Въ этотъ походъ Половцы набрали много плѣнниковъ и, слѣдовательно, сдѣлали большое измѣненіе въ народонаселеніи восточной половины Русской — Полянской земли. Другое ополченіе раззоряло берега Сема. Должно быть эти нападенія были очень тяжелы для народа, какъ это показываютъ слова Пѣсни объ Игорѣ. *Уже бо, братіе, не веселая година встала, уже пустыни силу прикрыли. Встала обида въ силахъ Даждбожа внука, вступилъ дѣвою на землю трояню, всплекала лебедиными крылы на синемъ морь, у Дону плещучи, убуди жирня времена.... Кликну Карна и Жля, поскочи по Рускѣй земли, смагу мычючи въ пламянь розъ; жены Русскія възплакашась, аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ не мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра не мало потрепати. А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли, печаль жирна тече средъ земли Русскіа*. Но Игорь воспользовался тѣмъ, что Половцы напились кумыса и стали пьяны; и при содѣйствіи одного Половчанина, Овлура, убѣжалъ изъ плѣна.

На князей южнаго края и вмѣстѣ съ ними на политическую судьбу народа вліяніе Суздальско-Владимірскаго князя Всеволода усиливалось. Въ 1195 году онъ потребовалъ у Рюрика, Русскаго князя, нѣсколько городовъ, и тотъ долженъ былъ исполнить его требованіе, измѣнивъ данное прежде слово зятю своему, Роману. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что митрополитъ, котораго Рюрикъ спрашивалъ о совѣтѣ, далъ свой голосъ въ пользу Всеволода: это важно съ той стороны, что церковь, въ лицѣ своего главнаго представителя, начала давать свою санкцію стремленіямъ къ старѣйшинству Владимірскаго князя, еще въ самомъ зародышѣ

тѣхъ политическихъ началъ, которымъ пришлось впоследствии развиться на русскомъ востокѣ и довести русскій міръ до единодержавія. Тогда много строили церквей, ласкали духовенство, во Владимірской землѣ; за то и духовенство на князей этой земли возлагало благословеніе на старѣйшинство съ царскими, заимствованными изъ Византіи, признаками личнаго единовластія. Духовные какъ, люди съ большимъ горизонтомъ понятій, не могли въ единствѣ не видѣть единственнаго пути ко благу отечества и самый идеалъ этого блага для нихъ могъ представляться не иначе, какъ въ томъ образѣ, съ какимъ они могли познакомиться чрезъ византійское образованіе. Кіевъ не въ силахъ былъ сопротивляться и отстаивать свое прежнее первенство. Въ Кіевѣ слишкомъ закоренѣли и слишкомъ срослись съ нимъ старославянскія начала, уже въ то время сильно искаженныя, изуродованныя вліяніемъ азіатскихъ и тѣмъ, болѣе неспособныя къ порядку, какой являлся передовымъ людямъ подѣ вліяніемъ Византійскаго воспитанія. Отъ разнородности населенія, отъ непостоянства общественнаго строя, отъ безпрестанныхъ раззореній и, слѣдовательно, отъ ненадежности гражданской жизни, въ Южной Руси видимо происходило разложенье; изъ прежнихъ элементовъ могли сложиться какія-то новыя формы; но онѣ еще не составились; не стало стараго, годнаго для поддержки но и не образовалось еще новаго: отъ этого Кіевскую Русь не трудно было подчинить и по произволу дѣйствовать на нее сильному. Только на западѣ организовалось что-то новое — въ образѣ Галицкой и Волынской земли, и только тамъ на новую силу могло наткнуться единодержавное стремленіе восточно-Русскихъ князей.

Всеволодъ дѣлалъ попытки для удержанія своего вліянія на Югъ. Въ 1195 году онъ обновилъ отцовскій городъ Городецъ на Вострѣ и послалъ туда своихъ тивуновъ. Въ 1200 году онъ посадилъ сына своего Ярослава въ русскомъ Переяславлѣ. Съ другой стороны Романъ, соединивши Галицкую и Волынскую земли подѣ однимъ правленіемъ, стремился къ власти надъ всею Южною Русью. Такимъ образомъ, положеніе Русской Земли поставлено было между двухъ огней: князь Рюрикъ Ростиславичъ, послѣ смерти Святослава Ольговича, по волѣ Всеволода сдѣлался княземъ города Кіева, будучи до тѣхъ поръ княземъ одной кіевской земли, и такимъ образомъ городъ Кіевъ, по управленію, опять сталъ главою Русской Земли: уже не было отдѣльныхъ князей Кіева и земли его. Въ то же время готовность однихъ склонить Южную Русь подѣ верховное первенство Ростовско-Суздальской земли не могло обойтись безъ внут-

ренняго сопротивленія со стороны другихъ. Свѣжіе признаки вражды, воспоминанія о Юріѣ и Андреѣ, не могли изгладиться скоро. Ольговичи должны были стоять не только за себя, но и за всю Сѣверскую землю. Всѣ князья этой земли, обыкновенно несогласные между собою, дѣйствуютъ съобща противъ силы, которая идетъ не противъ лица каждаго изъ нихъ, но противъ нихъ всѣхъ. Всеволоду помогаютъ Смольняне и Рязанцы. Рюрикъ, посаженный Всеволодомъ, чувствуетъ, что ему необходимо и сближеніе съ Ольговичами. Тогда другая сторона, ему противная, сторона западнаго края Южной Руси, въ лицѣ Романа съ толпами Галицкими и Волынскими, сближается со Всеволодомъ, потому что онъ пока еще не былъ опасенъ. Роману хотѣлось утвердиться въ Южной Руси. Въ Южной Руси пробуждается какъ будто сознаніе единства Южной Руси; русская (Кіевская) Земля пристаеетъ къ Роману; къ нему пристають Черные Клобуки; изъ всѣхъ городовъ русскихъ пріѣхали къ нему люди, признають его, *а что городовъ русскихъ, и изъ тѣхъ людье ѣхаша къ Романови* (Лавр. 170). Народъ южно-русскій искалъ уже лица, около котораго хотѣлъ сгруппироваться въ единствѣ своей національности. Романъ подступаетъ въ Кіеву; Кіевляне измѣняютъ Рюрику; признають Романа княземъ, открываютъ ему Подоль. Рюрикъ съ Ольговичами заперлись было на Горѣ, но должны были уступить. Рюрикъ уѣхалъ во Вручій въ Полѣсь; Ольговичи обратились въ свой Черниговъ. Но Романъ уступилъ Всеволоду и, по согласію съ нимъ (ибо въ лѣтописи говорится, что великій князь Всеволодъ и Романъ), посадилъ въ Кіевѣ Ингваря.

Была ли эта уступка Всеволоду смѣлому, союзнику, уступкою только до поры до времени, — во всякомъ случаѣ, кажется, Романъ думалъ о соединеніи Южной Руси подъ одною самобытною властію и дѣйствительнобылъ уже настоящимъ владѣтелемъ ея. Онъ отправился на Половцевъ и освободилъ множество христіанскихъ душъ, и была радость по землѣ русской. Его дѣло казалось дѣломъ народнымъ. Радость была однако не долга. Явилось знаменіе: въ пятомъ часу ночи стало небо чермно и по землѣ, по хоромамъ, показывалась кровь, будто свѣжая, недавно пролитая. Это было обыкновенное повѣрье, предзнаменовавшее явленіе общаго бѣдствія. И дѣйствительно, 2 генваря 1204 года Рюрикъ явился съ Половцами въ Кіевъ *и stworилъ велико зло въ русской землѣ, якоже же зла не было отъ крещенія надъ Кіевомъ: напасти были и взятъя, не якоже нынѣ зло се сстася: не токмо едино Подолье взяша и пожгоша, ино гору взяша, и митрополю Святую Софію разграбиша и Десятинную святую Бо-*

городицю разграбиша и монастыри все, и иконы обраша, а иныя поимаша, и кресты честныя и ссуды священныя и книги и порты блаженныхъ первыхъ князьи, еже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собь... Черныци и черницы старыя изъскоша и поны старыя и слѣпыя и хромыя и сухія и трудоватыя — то вся изъскоша; а что чернцовъ иньхъ и черницъ иньхъ и поповъ и попадѣй и Кіаны и дщери ихъ и сыны ихъ, — то все ве-доша иноплеменици въ вѣжи къ собь... (Л. лѣт. 176). Такъ несчастный Кіевъ заплатился послѣдній разъ за свое древнее право быть распорядителемъ судьбы своей. Рюрикъ сѣлъ въ разоренномъ городѣ, признавъ власть Всеволода. Въ 1208 году, онъ воевалъ противъ Половцевъ, своихъ прежнихъ союзниковъ, которые помогли ему разорить Кіевъ и овладѣть имъ. Война была удачна: зима была сурова, и Половцы погибали, а русскіе набрали много плѣнниковъ; но во время похода, въ Трипольи, Романъ внезапно схватилъ Рюрика и постригъ его въ монахи. Опять Южная Русь стала подъ его властію. Однако, въ тотъ же годъ лѣтомъ, неутомимый дѣятельный князь Романъ очутился уже на границахъ Польши и воевалъ съ Казиміромъ: тутъ въ битвѣ онъ палъ. Рюрикъ, узнавъ объ этомъ, сверже чернически порты и сѣде въ Кіевѣ. Этотъ поступокъ не всѣмъ могъ показаться дозволительнымъ; благочестивое понятіе всегда признавало, что, по уваженію къ этому званію, какимъ бы образомъ и по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ оно ни было принято, выхода изъ него нѣтъ. Жена Рюрика не только не рѣшилась расстричься, но еще постриглась въ схиму, чтобъ избѣжать искушенія.

Съ тѣхъ поръ въ русской землѣ нѣсколько лѣтъ было безпорядочное броженіе, схватки князей, которые брали другъ у друга города, выгоняли одинъ другого изъ владѣній. Враждебною стороною Рюрику были Ольговичи, князья Сѣверской земли, которые стремились захватить Южно-русскую землю въ систему своего рода. На челѣ ихъ стоялъ Всеволодъ Черниговскій. Народное участіе несомнѣнно въ этой борьбѣ: какъ та, такъ и другая сторона воевала съ собственными силами; Дреговичи, обособленные отъ Кіева по управленію подъ властію Туровскихъ и Полоцкихъ князей, участвовали въ этой борьбѣ, держась стороны Ольговичей; Полѣсье стояло за Рюрика, который, послѣ неудачъ въ Кіевской землѣ бѣгалъ во Вручій и оттуда возвращался съ силами, слѣдовательно имѣлъ вспоможеніе въ народѣ Полѣскомъ. Какъ та, такъ и другая сторона въ своихъ походахъ опустошала сельскія жилища и мстила тѣмъ жителямъ, которые приставали къ противникамъ. Лѣтописецъ въ

этомъ мѣстѣ очевидно благосклоннѣе къ Рюрику, чѣмъ къ Ольговичамъ, и говорить о Всеволодѣ, что онъ *много зла сотвори землѣ русской*. Наконецъ споръ этотъ кончился при посредствѣ митрополита и Суздальскаго князя Всеволода тѣмъ, что Рюрикъ съѣхъ въ Черниговъ, а Всеволодъ въ Кіевъ. Вотъ разительный примѣръ того, что наследственный принципъ, относительно владѣнія землями въ одномъ родѣ, еще былъ не крѣпокъ. Хотя преемники Святослава княжили въ Черниговѣ болѣе ста лѣтъ, но все еще не казалось неестественнымъ, если вмѣсто ихъ сядетъ тамъ князь другой вѣтви. Наследственный обычай не могъ восторжествовать надъ сознаніемъ единства Русской Земли и вмѣстѣ съ тѣмъ надъ сознаніемъ права власти цѣлаго рода, а не вѣтвей его: очевидно, что князья все еще были правители, а не властители; господствовала идея, что имѣетъ право на управленіе русскимъ материкомъ цѣлый родъ, но еще не было строго опредѣлено, чтобъ каждая личность изъ этого рода имѣла право владѣть извѣстною частію такого-то, а не другого пространства, на основаніи своего ближайшаго происхожденія. Во всей Южно-русской землѣ не было уже единства родовъ, а нѣсколько вѣтвей княжили почти безъ послѣдовательнаго права; князья возводилась одною игрою обстоятельствъ или опирались на расположеніе воинственныхъ шаекъ; появлялись тогда новые князья, въ разныхъ городахъ гдѣ ихъ прежде не было; такимъ образомъ случайно упоминаются князь Каневскій Святославъ, князь Шумскій Святополкъ. Переяславль находился подъ управленіемъ сына Всеволода Суздальскаго, который такимъ образомъ протягивалъ руку на Южную Русь и поддерживалъ свое старѣйшинство надъ князьями. Но этотъ край, сопредѣльный со степями, болѣе всѣхъ страдалъ отъ набѣговъ Половцевъ; Половцы разоряли села, такъ что жители не успѣвали строиться, а князья съ своими дружинами плохо могли оборонять ихъ. Народонаселеніе края рѣдѣло болѣе и болѣе, а съ другой стороны русская стихія во-множествѣ плѣнниковъ переходила въ степи Половецкія. Въ 1212 году князья смоленскіе, по непріязни, выгнали Всеволода и посадили въ Кіевъ бывшаго Смоленскаго князя, Мстислава Романовича. Права тутъ не было никакого, ибо такъ передъ тѣмъ думали-было посадить княземъ Ингвара Луцкаго, а потомъ удалили его и сдѣлали Мстислава. Всеволодъ долженъ былъ удалиться въ Черниговъ, гдѣ уже не было на свѣтѣ Рюрика, и тамъ скоро умеръ.

Въ 1224 году, появились впервые Татары. Видно, что вѣсть о страшномъ явленіи, сильно поразила народный духъ. *По грѣхомъ нашимъ пріидоша языцы незнаеми, (выражается лѣтописецъ)*. Эта

неизвѣстность дышетъ чѣмъ-то зловѣщимъ, страшнымъ. Вѣсть о нихъ принесли Половцы. Страшное пораженіе понесли они отъ невѣдомаго народа. Лѣтописецъ не удержался, чтобъ не припомнить при этомъ непріязни, которая не могла не таиться въ русской душѣ: *много бо ти Половцы зла сотвориша руской землѣ. Богъ же отмщеніе створи надъ безбожными Куманы, сынами Измаиловыми: побѣдиша ихъ Татары и инѣхъ языкъ семь*. Нѣсколько князей половецкихъ погибло со своими ордами. Одинъ изъ нихъ, Котянъ, тестъ Мстислава Мстиславича, тогда захватившаго Галичъ, привелъ къ нему много даровъ, коней, верблюдовъ и буйволовъ: (дѣвки были въ числѣ скота)—и просилъ помогать противъ невѣдомаго народа. Онъ говорилъ, по словамъ современника-лѣтописца: *нашуземлю днесъ одолѣли Татары, а ваша завтра возмутъ пришедъ; то поборошите насъ*. Мстиславъ началъ просить Русскихъ и Сѣверныхъ князей. Собрались въ Кіевѣ и приговорили: *лучше намъ сръсти ихъ на чужей землѣ, нежели на своей*. И разѣхались строить воиновъ каждый въ своей волости. И такъ собрались Кіевляне, Сѣверяне, Бѣлоруссы изъ Несвижа, и Путивльцы и вся Сѣверская земля, Куряне и Трубчане, и Волынская и Галицкая земля, пристаи Смоляне и двинулись за Днѣпръ. Но вотъ, отъ невѣдомаго народа идутъ послы и предлагаютъ имъ миръ; объясняютъ, что они собственно пошли на враговъ Русскаго народа, Половцевъ, называютъ послѣднихъ своими конюхами и холопами, просятъ Русскихъ добывать съ ними Половцевъ. Русскіе такъ рѣшились съ ними биться, что не посмотрѣли на то, что званіе пословъ было священо: перебили пословъ. Русскихъ не убѣдили представленія этихъ пословъ, говорившихъ: вѣдь мы вашихъ земель не трогаемъ, ни городовъ вашихъ, ни селъ; мы не на васъ идемъ! Надобно при этомъ замѣтить, что отношенія къ Половцамъ видимо измѣнялись; у Половцевъ тоже произошли важныя перемѣны. Христіанство распространилось въ этомъ народѣ. Два князя половецкіе, убитые противъ Татаръ, были христіане (Юрьи и Данило); въ тоже время, когда князья собирались итти на Татаръ, одинъ изъ половецкихъ князей, Басты, принялъ крещеніе въ Кіевѣ. Видно, что присутствіе русскихъ плѣнниковъ въ половецкихъ степяхъ распространило между Половцами христіанство и русскіе нравы. Князья были въ безпрестанномъ родствѣ; съ другой стороны, и Русскіе, отъ безпрестаннаго столкновенія, принимали элементъ воинской дикости.

Русскіе надѣялись на свои силы, особенно послѣ первой удаи, когда имъ удалось разбить татарскую сторожу. Кромѣ сильнаго русскаго

ополченія разныхъ земель, надежда была и на Половцевъ, которые защищали свое существованіе. Ополченіе, подъ предводительствомъ 20 русскихъ князей, двинулось въ степь. Галичане, подъ предводительствомъ Юрія Домажирича и Держикрая Владиславича, поплыли по Днѣстру; потомъ моремъ, на ладьяхъ, вошли въ Днѣпръ, *возвели* пороги и стали у рѣки Хортицы, — извѣстіе, показывающее, что приморье было еще въ Русскихъ рукахъ. Туда прибыло и сухопутное ополченіе. Тутъ татарскій отрядъ явился высматривать ладьи Русскія; князь Данило Романовичъ пустился за нимъ и разогналъ его. Галицкіе предводители дали совѣтъ остальному русскому войску выступить на непріятеля и пуститься за нимъ. Русскіе и Половцы перешли Днѣпръ разсѣяли татарскую сторожку, и восемь дней гнали за Татарами до рѣки Калки. Князья между собою не ладили. Метиславъ Галицкій ссорился съ Метиславомъ Кіевскимъ и узнавши, что сильное татарское войско идетъ на нихъ, не сказалъ кіевскому князю «зависти ради». Галичане съ Половцами бросились первые, сражались храбро, но Половцы, испугавшись, побѣжали и опрокинули Галичанъ, — и Галичане были разбиты. Тогда Кіевляне и ополченіе Русской земли (Украины) уперлись на каменистомъ берегу Калки, сдѣлали укрѣпленіе и оборонялись три дня. М. т., Татары, оставивши около нихъ войско, погнались за отрѣзанными Волынскими полками, и разбили ихъ; нѣсколько князей было перебито. Осажденные кіевляне долго не сдавались. Но Татары были бродники — смѣшанное народонаселеніе вѣроятно изъ плѣнниковъ русскихъ, въ разное время отведенныхъ въ плѣнъ, тоже что въ послѣдствіи называлось тумы; въ степяхъ они вели полукочевую жизнь; воеводою у нихъ былъ Пюскниъ. Они уже пристали къ Татарамъ. Они уговорили кіевлянъ сдаться на искупъ. Тѣ повѣрили, и дѣло кончилось тѣмъ, что Татары положили князей подъ доски и на этихъ доскахъ сами стали обѣдать; однихъ кіевлянъ погибло тогда до 10,000. Это бѣдствіе наполнило Русь ужасомъ. Главное дѣло — не знали, что за народъ явился и чего ждать отъ него. Татары скоро повернули назадъ, но и это страшило русскихъ: *никтоже не вѣсть, кто суть и отколы пріидоша и что языкъ ихъ и которо племени суть, и что въра ихъ*. Книжники соображали, толковали, подозрѣвали что это люди, загнанные Гедеономъ въ пустыню Етріевскую; по скончаніи времени имъ слѣдовало явиться и поплѣнить всю землю отъ востока и до Ефрайта и отъ Тигръ до Понтьскаго моря, кромѣ Еюіонія. Одни говорили, что ихъ звать — Татары, другіе — Тауромены, третьи — что это Печенѣги. Опасались ихъ появленія вновь; народъ пугался разными пред-

знаменованіями; говорили, что не даромъ горѣли лѣса и болота и поднимался сильный дымъ, такъ что нельзя было смотрѣть; потомъ покрывала землю мгла, такъ что птицы не могли летать по воздуху, но падали и умирали. Явилась на западѣ звѣзда, *отъ нея же бы луча не во зракъ человѣчимъ*. По закатѣ солнечномъ каждый вечеръ видѣли ее на западѣ и она была болѣе всѣхъ звѣздъ и свѣтила семь дней, а потомъ лучи ее стали являться на востокѣ; тамъ пребыла она четыре дня и потомъ-исчезла. Ее считали предзнаменованіемъ небеснаго гнѣва.

Кіевъ съ Русскою Землею продолжалъ переходить изъ однихъ княжескихъ рукъ въ другія. Въ 1228 году имъ владѣлъ Владиміръ, сынъ Рюрика. Переяславъ захватилъ Суздальскій князь, по слѣдамъ предковъ протягивавшій руку на Южную Русь, и посадилъ тамъ племянника своего, Всеволода. Владиміръ Рюриковичъ, сначала въ союзѣ съ Михаиломъ Черниговскимъ, сталъ-было дѣйствовать противъ Данила Галицкаго, но потомъ, при содѣйствіи митрополита Кирила, примирился съ нимъ; вслѣдъ за тѣмъ, его началъ беспокоить прежній союзникъ въ распрѣ противъ Данила, Михаилъ Черниговскій, и Владиміръ соединился съ Даниломъ. Въ 1233 году, открылась война съ Черниговскою Землею; Ольговичи призвали на помощь Половцевъ. Данило пошелъ съ ополченіемъ защищать Владиміра, но былъ разбитъ. Владиміръ взять въ плѣнъ, а Данило по этому поводу лишился Галича. Его оттуда прогнали; врагъ его Михаилъ Черниговскій былъ призванъ въ Червонную Русь. Тогда, пользуясь такими смутами, братъ Суздальскаго князя, Ярославъ, дѣйствовавшій съ Михаиломъ за-одно, захватилъ Кіевъ, но былъ изгнанъ Владиміромъ Рюриковичемъ, а тотъ въ свою очередь Михаиломъ Черниговскимъ, который разомъ овладѣлъ и Червонною и Кіевскою Русью, и Галичемъ и Кіевомъ, и въ Галичѣ посадилъ своего сына, Ростислава. Но скоро подняла голову Данилова партія въ Галичѣ; прогнали Ростислава; а Михаилъ вслѣдъ за тѣмъ бѣжалъ снова изъ Кіева, но не отъ князей, и не отъ партій, а услышавъ о Татарахъ. Данило захватилъ тогда Кіевъ, посадилъ тамъ своего боярина Дмитрія оборонять его отъ нашествія враговъ, которые приближались грозною тучею.

Завоеватели, разоривъ сѣверовосточную Русь въ 1238 году, на слѣдующій годъ бросились на Южную. Одно войско взяло Переяславъ и разорило его до основанія, уничтожило переяславскую патрональную церковь святаго архистратига Михаила; много людей перебило; иныхъ погнало въ неволю. Другое татарское ополченіе отправилось къ Чернигову. Одинъ изъ Ольговичей, Мстиславъ Глѣбовичъ, думалъ ударить на

Татаръ сзади, когда они стали осаждать городъ. Черниговцы: защищались отчаянно изъ города они поражали Татаръ такими огромными камнями, что четыре человека не могли поднять одного. Лють былъ бой, но все было напрасно. Войско, храбро отражавшее иноплемениковъ, погибло въ сѣчѣ; городъ былъ взятъ и сожженъ. Татары, однако, оставили въ живыхъ взятаго въ плѣнъ епископа Порфирія. Послѣ того одинъ отрядъ, подъ начальствомъ Мангу-хана, подошелъ къ Киеву.

Завоевательное полчище стало у Песочнаго городка, построеннаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Киева. Лѣтописецъ говоритъ, что Татары дивовались красотѣ Киева и величію его; хотя городъ этотъ сильно упалъ противъ прежняго отъ междоусобій и разореній, но его красивое мѣстоположеніе вообще придавало величія всякому строенію. Мангу отправилъ въ Киевъ пословъ требовать покорности, какъ будто жалѣя разорять такой красивый городъ. Кіевляне перебили этихъ посланныхъ. Мангу тогда отошелъ прочь, и только погрозилъ Киеву... Угроза была зловѣщая.

На другой годъ, весною, огромное Батыево полчище явилось опять надъ Днѣпромъ уже не за тѣмъ, чтобъ требовать покорности, а за тѣмъ, чтобъ истребить городъ, который такъ дерзко осмѣлился поругаться надъ величіемъ завоевательной силы. Татары, подъ предводительствомъ Батыя, переправились черезъ Днѣпръ и обступили кругомъ городъ, *«и бысть градъ во обдержаніи тлжцѣ, и бѣ Батый у града и вся сила его безбожная обсьдишу града и не бѣ слышати въ градъ глаголюща другъ къ другу въ скрипаніи тельгъ его и множество ревенія велиблудъ его и рзанія отъ гласа коннаго стада его, и бѣ исполнена Земля Русская ратныхъ»*. (Соп. врем., П. С. Л. т. V. стр. 175).

Кіевляне захватили въ плѣнъ Татарина, по имени Торвула. Онъ описалъ имъ свою силу въ угрожающемъ видѣ; странныя имена богатырей, имъ перечисленные, соединялись съ свѣжими воспоминаніями плѣнныхъ и разоренныхъ земель (се Бѣдія Богатуръ и Бурундай богатырь, иже взя Болгарскую землю и Суждальскую, и нѣхъ безъ числа воеводъ); однако Кіевляне не сдавались и рѣшились, защищаясь, погибнуть. Батый направилъ особенныя усилія противъ Лядскихъ воротъ, находившихся на юго-западной части Стараго Киева, вѣроятно на нынѣшнемъ Крещатицѣ. Завоеватели поставили тамъ свои стѣнобитныя орудія, и стали громить стѣны Киева день и ночь. Кіевляне отбивались упорно, стоя на стѣнахъ: ломались копья, разлетались въ щепы щиты, стрѣлы омрачали

свѣтъ, говоритъ лѣтописецъ. Не устояли Кіевляне. Дмитрій былъ раненъ. Татары сбили осажденныхъ со стѣнъ и сами вошли на стѣны. Кіевляне сомкнулись около церкви Десятинной Богородицы, и сдѣлали наскоро укрѣпленіе. 9 мая былъ послѣдній приступъ. Одна толпа народа заперлась въ церкви, другіе боролись съ Татарами. Множество народа вошло на церковь и на церковные комары съ имуществомъ и оттуда защищались. Комары не выдержали тяжести и обломились. За ними повалились и церковныя стѣны, вѣроятно отъ ударовъ вражескихъ. Кіевъ былъ взятъ и разрушенъ. Раненный Дмитрій оставленъ живымъ, — ради его мужества, говоритъ лѣтописецъ. (П. Собр. М. II, 178). Онъ пошелъ вмѣстѣ съ Татарами. Батый приблизилъ его къ себѣ, и онъ подавалъ Батыю совѣты идти въ богатую Угрію.

Темное преданіе объ этой ужасной эпохѣ перешло до позднихъ потомковъ въ сказочной исторіи Михайла Семилѣтка. Семилѣтній богатырь — типъ народной надежды на грядущія поколѣнія, идеалъ несчащенной, вѣчно-юной, всегда обновляющейся силы народа — защищалъ Кіевъ противъ иноплеменныхъ враговъ. Татары видѣли, что онъ одинъ удерживаетъ кіевлянъ, и предложили пощаду городу, если выдадутъ имъ богатыря. Кіевляне соблазнились. Тогда Семилѣтокъ, выѣхавъ на своемъ чудномъ конѣ, ударилъ копьемъ въ Золотыя Ворота, поднялъ ихъ на воздухъ и закричалъ:

Кіевне-громадо!
Погана ваша рада!
Колибъ ви мене не оддали,
Поки свѣтъ-сонця Татари бъ Кіева не взяли.

Онъ проѣхалъ сквозь татарское полчище, и враги не смѣли прикоснуться къ чудотворному герою; онъ провезъ Золотыя Ворота даже до далекаго Цареграда и тамъ поставилъ ихъ. Тамъ стоятъ они уже много вѣковъ. Кто пройдетъ мимо ихъ и подумаетъ: не быть Золотымъ Воротамъ на прежнемъ мѣстѣ — злато на нихъ и потускнѣетъ; а кто пройдетъ мимо ихъ и скажетъ: быть вамъ, Золотыя Ворота на прежнемъ мѣстѣ, въ Кіевѣ, — золото заблеститъ и засіяетъ!

Н. Костомаровъ.